

Елена Ромашова

16+

Sabbatum

ШНКВИЗИЦИЯ

Елена Ромашова

Sabbatum. Инквизиция

«Автор»

2017

Ромашова Е.

Sabbatum. Инквизиция / Е. Ромашова — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-92817-6

Это другая сторона нашего мира: с ведьмами и колдунами, между которыми идет постоянная война - борьба добра и зла. Кто удержит Химер, для которых не существует правил? Только Инквизиторы. Правда, за последнюю пару сотен лет их мир ослабел в магии, и каждая сторона хочет навести свой порядок. Но всех потрясает весть, что в стане Химер появилось свое тайное оружие, которое поставит Инквизиторов на колени и даст полноценную власть... Это все так далеко и так близко для Мелани, которая очнулась в больнице после аварии. Кто эти люди, которые хотят взять ответственность за нее на себя? Какая странная школа "Саббат"... А главное, кто этот Рэйнольд Оденкирк?

ISBN 978-5-532-92817-6

© Ромашова Е., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Том первый	5
Вступление	5
Реджина	6
Шабаш	10
Рэй	17
Just do it	23
И мне это нравится	30
Ибо мой выбор делаю я сам	36
Мечущийся	44
Поиск себя	49
Возвращение	54
Oh, panic!	59
Не потому, что ты мне нравишься	63
Крыша течь дала	70
Да наступит день	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Елена Ромашова

Sabbatum. Инквизиция

Том первый

Вступление

Мой мир давно уже превратился в сплошную мясорубку с братоубийственной войной и своими чудовищами.

Вот она, лежит в коме, спит, подключенная к пищащим аппаратам и датчикам. И я ее ненавижу. Я с радостью убил бы эту девушку – так же, как они убили мою сестру.

Смотрите, это всё обман, вся ее хрупкость, ранимость; это спит чудовище, в котором – только желание легкой наживы, власти и удовольствий. Она когда-то выбрала тех, кто гниют изнутри, чье правило – никаких правил и ограничений. Она стала Химерой.

Я же, наоборот, выбрал путь раба, человека, который борется с такой мразью, как она, путь потерь и силы воли. Оставим мир нытикам в офисных кабинетах и скучающим в дорожных пробках! Все говорят, что мир не делится на добро и зло, в нем нет четкого белого и черного. Я согласен, этот мир багряный, красный, несправедливый.

Все больше становится Химер, все меньше выбирают путь Инквизитора. За прошлый год из шести пар пять выбрали путь чудовищ. Все больше ходит разговоров, что Инквизиторам пора обратиться в Сенат к Архивариусам за принуждением людей идти к нам, потому что уже невозможно сдерживать это хамское поведение ведьм. Мир скоро подохнет, как собака, которая загнала саму себя. В людях не осталось добра, любви, нравственности.

Ну, что же. Я тогда тоже буду бороться, как они, наплевав на все правила и человечность. И я сделал свой первый шаг, сохранив этой ведьме жизнь.

Давайте знакомиться, меня зовут Рэйнольд, или, попросту, Рэй.

Мне 25 лет, и я Инквизитор.

Реджина

У каждой истории есть начало и конец. Я очнулась в самой середине: не знаю конца, не помню начала.

Из остатков памяти помню лишь красный трепещущий цвет, а затем темнота. И всё. Пусто. Ау! Кто-нибудь там есть?

Без ответа. Я ничего не помню. Пустота.

Люди, окружающие меня, вежливые, но чужие и отстранённые. Мне дали имя Мел – Мелани, как дают щенкам и котяткам или когда находят новый объект или явление.

Мел так Мел. Не буду спорить. Да и привыкать не к чему. Потому что, чтобы привыкать, нужно иметь прошлое со своими привязанностями и устоявшимися нормами.

Так у меня появилось имя.

Язык тоже странный. Они все говорят по-английски. Поначалу я просто их слушала и не понимала. Потом осознала, что это английский с каким-то странным акцентом. Затем привыкла. И только после попросила, запинаясь, принести мне попить.

Так у меня появился язык.

Ко мне никто не приходит, я не нужна. Никто ничего не объясняет. Только старушка Салем угощает мороженым и любит рассказывать о своих котах. Только она позволяет себе угостить меня мороженым или шоколадкой, когда я позволяю ей часа на два вынести остатки моего скудного мозга рассказами о том, сколько у нее внуков и где ее дети, разбросанные по всему миру.

Так поняла, что я одна.

Я – пустота, запертая в больнице и ожидающая, когда меня вышвырнут под присмотр органов опеки таких же бедолаг, как я.

Фамилию мне дали Гриффит, в честь одной актрисы. Я не знаю ни одного фильма с ней, но знаю, что она жена Антонио Бандераса. Забавно, моя память поделилась на «знаю» и «помню».

Там, где «знаю», был хлам ненужных фактов, где «помню» – была темнота.

Так я поняла, что знание вовсе не сила.

Я подхожу к зеркалу и долго вглядываюсь в свои черты лица в поисках какой-нибудь зацепки из прошлого, какой-нибудь ниточки, разматывающей этот клубок. Блажен, кто верует.

Ничего не говорит мне мое отражение, оно также удивленно пялится на меня оттуда, спрашивая, как оказалось, что мы тут. Я теряю в весе, несмотря на то, что хорошо питаюсь.

Врачи говорят, это психосоматика, при этом переводя меня на другой диетический стол и добавляя новые таблетки.

Все началось в день тушенки с овощами и макаронами, когда Она пришла ко мне, стуча каблуками по раздолбанному кафелю. Нам подали тушенку на обед, подлив яблочного сока в стаканы вместо воды, чтобы разбавить всю эту по вкусу гадость. Горсточкой в пластиковом стаканчике лежали таблетки, не хватало только надписи: «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Моя кожа зудела и чесалась, реагируя на введенный новый препарат, и под больничным браслетом я расчесала себе сплошную зудящую ранку, которая кровоточила постоянно, заставляя еще больше расчесывать.

Ее каблук стальным звоном разносили весть, что идет Она. Вышагивает. Ее стук слышался еще из коридора, заставляя вздрагивать местных старушек и удивленно тарашиться мужчин.

Изумление пришло лишь тогда, когда Она вошла в мою палату. Именно в мою. Я тогда подумала: может это инспектор или кто-то из опеки. Но выглядела она вовсе не соцработником.

На ней был твидовый черный костюм, словно кричащий, что такое шьется либо на заказ, либо покупается за бешеные деньги. Она была пепельно-седая, но лицо молодое – женщины лет под сорок.

Грациозно пройдя, она села на стул напротив меня и положила лакированную скрипучую сумку себе на колени.

– Здравствуй.

Ее голос звучал, будто сладкая тягучая карамель. Но все-таки там слышались острые опасные нотки. «Карамель со стеклом», – пронеслось в моей голове.

– Здравствуйте.

Мне было страшно. Она пугала своим величием и статью.

– Как твои дела, Мелани?

– Хорошо...

Она рассматривала меня колким цепким взглядом светло-серых глаз, которые еще чуть-чуть светлее – и совпадут с ее цветом волос. От этого становилось жутко. Хотя лицо простое, с правильными чертами. Кто она? Что ей здесь нужно?

– А вы кто?

Она вежливо и холодно улыбнулась, как улыбаются детям в ответ на их никому не нужное любопытство.

– Меня зовут Реджина. – Ее имя мне нравится, мысленно повторяю его про себя. Оно похоже на звук открывающейся бутылки кока-колы. – И я приехала забрать тебя.

Ух ты! Никто мной не интересовался целый год! Я смотрела на нее и пыталась понять, кто она мне.

– А вы из органов опеки?

– Нет. Не совсем. Я буду опекать тебя, но я не из государственного учреждения. – Она пронзает меня своим лукавым взглядом, будто задает интереснейшую загадку, на которую я должна найти ответ.

– А откуда вы?

– Из одного очень милого местечка, под Блэкберном. Тебе такой ответ сойдет?

– Ничего не говорит... – Я смутилась, хотя на самом деле меня возмутить должен был этот ответ, потому что ни о чем. Как я: вроде есть, и вроде нет.

– Ну, конечно же, не говорит. – Она рассмеялась, словно я сказала очень смешную шутку. После чего встряхнула седыми волосами и поправила прядь, убрав ее за ухо. Ярким металлическим блеском сверкнул браслет на руке, приковывая внимание к себе и выдавая маленькую деталь хозяйки – татуировку на запястье хозяйки. Это было мгновение, так что рассмотреть я не успела, только увидела, что это что-то миниатюрное с линиями, окольцовывающими кисть. Наверное, поэтому она и надела браслет, слишком не сочеталось наличие татушки с таким шикарным видом.

– Дело в том, что, Мелани, я глава одной закрытой школы, очень маленькой и очень частной.

Она остановилась, смакуя сказанное. Будто ей нравился этот факт.

– Вы хвастаетесь? – Более нормального объяснения ее довольному виду я не нашла.

– Нет! – Она снова рассмеялась. Кажется, я ей вижусь очень смешной. – Просто факт. Я хочу тебя забрать к себе в школу...

И снова выжидающая пауза. Что она хочет от меня услышать?

– Звучит, будто из фильма...

Мне вспомнилось, как на прошлой неделе в палате у Салем мы смотрели «Гарри Поттера», и Салем обозвала Хагрида своим соседом – «такой же деревенщина и волосатый».

– Вполне! Только вот из какого: «ужасы» или «приключения»?

– В последний раз я по телевизору видела «Гарри Поттера», там тоже его звали в частную школу.

В этот раз я пошутила, но почему-то моя шутка не возымела действия. Она лишь странно, даже злобно, улыбнулась. Может, мне не стоит шутить? Ее, похоже, веселит, когда я в недоумении. Странная женщина!

– А ты хотела бы быть Гарри Поттером?

Она смотрит, превращая карамельный взгляд в острый, пронизывающий все нутро.

– Что? Нет.

– Вот и славно. Оставим фантазии о волшебстве детишкам. Я сейчас говорю о реальности. Я приглашаю тебя жить в моей школе. – Она отводит взгляд и рассматривает свои аккуратные розовые ногти.

– Зачем?

– Я чувствую вину. Ведь из-за моего ученика ты оказалась здесь.

– Что? – Я почувствовала, как мое сердце от услышанного замерло на ударе и запустилось вновь. – Вы меня знаете?

– Нет, но знаю достаточно, чтобы пригласить тебя к себе.

Меня разозлил этот ответ. Что за привычка отвечать, ничего не говоря конкретного! Ярость начала закипать во мне, подначиваемая зудом запястья.

– Что вы знаете обо мне?

– Ты попала в аварию из-за моего ученика. Ты сирота, откуда-то из Сассекса. Училась в замшелом колледже на деньги от государства, прозябая и прожигая свою жизнь на студенческих попойках. Подружек лучших нет, по крайней мере, то, что я видела нельзя назвать друзьями: их интересует лишь, где бы найти траву подешевле и с кем бы переспать. Ну, и как тебе?

Я ее слушала и ужасалась: неужели это я? Неужели все мое существование укладывается в презрительный тон этой леди – безнадежное и омерзительное. Теперь понятно, почему никто не приходил ко мне. Теперь понятно, почему так смиренно выношу эту мерзость палаты с гадкой тушенкой и макаронами – я просто не видела лучшей жизни.

– А что за авария?

– Мой ученик въехал в твою машину.

Кратко. Чётко. Лаконично. Я уже это знаю.

Официальная версия моего пребывания здесь – автомобильная авария. Водитель отделался испугом, а вот со стороны, где сидела я, влетела машина. В меня вмялся железом и скоростью «Шевроле-Корвет», ломая мои ребра, руки, ноги и голову. Вот и всё. Куда я ехала? Зачем? Кто был водитель? И почему именно в меня?

Я пролежала в коме достаточно время, сращивая осколки костей и саму себя. Очнулась лишь позже, когда мое тело восстановилось. Врачи называют меня медицинским чудом, потому что мое тело так отчаянно хотело жить, что процесс выздоровления был словно на перемотке вперед. Но дали мне имя Мел. Я нахожусь в этой больнице уже год. Уже год неизвестности, в одной точке необъятной вселенной.

– И что? Вы теперь его совесть задабриваете, предлагая мне жить в вашей школе?

Я пыталась не выдать нарастающий внутри гнев. Странное желание: брать на себя ответственность за чужой поступок!

– Нет. Его вина – это его вина. И да, он не бесчувственный, в отличие от некоторых. – Почему-то ее голос стал звучать сталью, последняя фраза явно намекала на меня. – Между прочим, он тебя спас, вытащил и направил сюда, оплатив твоё пребывание тут. Именно он уговорил узнать, кто ты такая, и оставить жить с нами. Ты никому не нужна кроме нас, девочка.

Последняя фраза упала глыбой льда в нарастающий пламенем гнев. Простая жестокая истина перекрыла тысячу вопросов и реплик к Реджине.

– Что я буду там делать, в вашей школе? Я даже писать не умею теперь.

На глаза навернулись непрошенные слезы от беспощадного осознания себя и своего положения. Унизительно.

– Ничего, научись заново. – Теперь она уговаривала меня, как маленького ребенка. – Ну так что, Мелани Гриффит, ты готова принять мое предложение? Готова начать новую жизнь?

– Я подумаю...

– Хорошо, буду ждать твоего звонка.

Она достала из своей лакированной сумочки визитку и оставила на прикроватной тумбочке.

– Можно еще один вопрос?

– Да.

– Если вы узнавали, кто я, может, скажете, как меня зовут по-настоящему?

– А зачем тебе?

– Ну как так? Я тут живу в незнании, в пустоте, тут появляетесь вы и рассказываете, что вся моя жизнь была дерьмом. Я хотя бы имею право знать, как называлось то дерьмо? – Меня пробирала дрожь возмущения на Реджину за то, что так ведет себя со мной.

– Имеешь. Но зачем знать, если ты сказала сама, что твоя жизнь была дерьмо? Многие люди мечтают начать всё сначала, начать с новой точки, имея новое имя. Тебе его здесь дали, пускай и в честь другого человека. По-моему, это уже много, подарок судьбы, который стоит принять, а старое выкинуть.

Она развернулась на каблуках и так же, как и пришла, стальными ударами набоек о кафельный пол, словно удары молотка, забивающего гвоздь, исчезла из палаты, оставив меня наедине с грязными облупленными стенами, разбитой плиткой на полу и дрянной тушенкой.

Белым пробелом на тумбочке светилась визитка.

РЕДЖИНА ХЕЛМАК.

ЧАСТНАЯ ШКОЛА «САББАТ»

И телефон.

Шабаш

Решение пришло, когда толстую и неуклюжую Розу провожали домой. Запихнутая в инвалидную коляску вместе с круглыми воздушными шарами, она представляла собой несуразное зрелище.

Розу сбила машина, когда та шла пожирать жареные куриные крылышки. Диагноз: перелом тазобедренной кости и сотрясение головы с сальными волосами. Пара месяцев реабилитации и физиотерапии, чтобы весь этаж был наполнен такими же огромными ее родственниками, как и она сама. И все счастливы.

Огромная, как кит, она еле вмещалась в коляску.

– И это она еще похудела, – произнес женский голос рядом, словно продолжая мою мысль. Это была Сара Сетфол – едкая на словцо сердечница со второго этажа. – Спорим, они сейчас по пути домой заедут в столовую, типа Макдональдс, чтобы нажраться гамбургерами и картошкой фри.

Я улыбнулась, ничего не сказав. Хотя была полностью солидарна с Сарой.

– Смотри, видишь того жирдяя в голубой клетчатой рубашке и прыщами по всей роже?

– Ну?

– Как ты думаешь, кем он ей приходится?

Она лукаво кинула на меня взгляд, будто знала одну из самых сальных тайн этого мира.

– Брат?

– Нет.

Сара самодовольно улыбнулась, после чего закинула в рот мятные драже, которые постоянно покупала и жевала – это была ее личная слабость.

– Кузен?

– Нет.

– Неужели парень?

Сара ирриво повела бровью, мол, «угадала, детка».

– Заметь, даже у нее есть.

Саре около двадцати пяти, а у нее уже проблемы с сердцем, притом врачи ей дают лишь половину человеческой жизни. От этого она часто срывается на людей и может высказать всё, что думает в лицо, поэтому ее никто не любит. Хотя бы в этом мы похожи.

Мне нечего сказать Саре. Я также завидую Розе, зная, что та завидует в ответ нашим стройным талиям и худым ляжкам. Но у Розы еще было кое-что, намного важнее, чем наличие парня – ее любили, она была нужна хоть кому-то.

Это было больнее. Мы с Розы вызывали жалость. Только кто больше?

Я тяжело вздохнула и поплелась во двор, прихватив с собой книжку. Там, на скамейке, я пыталась забыться вместе с помятым и порванным Керуаком, обляпанным какими-то желтыми пятнами. Но из головы не шел улыбающийся гигантский кит Розы с сосисочными пальцами и вечно грязной головой. Словно преследуя меня, ее родственники шумной гурьбой высыпали к машинам, попутно толкая кресло с выздоровевшей, у которой на память об аварии остался лишь гипс на запястье и стопе. Ее парень все время находился рядом, смущенной тенью следуя за ней. «А теперь общая фотография», – и они облепили Розу, став плотной стеной из животов и белоснежных улыбок.

«Курт, поцелуй ее!». И вот парень наклоняется к лоснящейся щеке Розы и мило целует. Это должно вызвать у меня негатив, злобный смех, отвращение, но вместо этого я чувствую, как накачивают слезы, и закрываю глаза, борясь с ними и сглатывая комок в горле. Какая же ты, Розы, счастливая!

Ветер дует, словно желая мне помочь осушить слезы, и я наконец обретаю самоконтроль. Открыв глаза, я вижу уезжающие машины Розы; словно пытаюсь их догнать, ветер гонит по траве белоснежную бумажку – мою закладку, которую сдуло на землю. Я встаю и догоняю непокорную визитку, и в этот момент понимаю: я хочу быть встреченной кем-то, а не быть переданной под патронаж опекунов. Я хочу принадлежать кому-то. Лучше быть нелюбимой, но зато знать, что есть люди, которым я хоть немножко, но небезразлична.

И снова в моей голове звучит голос Реджины. Сама директриса запомнилась, как нечто серебристо-черное и беспрекословное:

«Ты никому не нужна кроме нас, девочка».

Аминь.

Моя выписка была контрастом с выпиской Розы: ни шаров, ни улыбок, ни толпы.

Набрать телефон Реджины оказалось намного проще, чем я себе представляла. Мне даже толком говорить не пришлось. Наше общение длилось всего лишь минуту: «Ты согласна принять предложение? Хорошо. Жди. Я приеду».

И вот уже через день мне принесли вещи на выписку. Это было старушечье шмотье: Салем отдала свою синюю безразмерную кофту, медсестра Лора – свое платье из молодости, которое пахло ветошью, 50-ми годами и чужим телом. В принципе, сейчас такие силуэты в моде, тенденции Твигги снова реинкарнировали. Но все это в рамках общества, когда на тебе новое платье, а не старое, как будто сама Твигги его передала мне из прошлого.

Единственное, что было относительно новым и не поношенным – это башмаки; их мне купила какая-то благотворительная организация, которая узнала обо мне из самого Лондона.

Все остальное, что у меня было (тренировочные обвисшие штаны, пара маек и джинсы с черным пятном по всей коленке) – это отданные мне на ношение старые вещи медсестер, которые забыли выкинуть их. А тут представился шанс – дать вещам «вторую жизнь» за мой счет.

Теперь вот и я искала вторую жизнь для себя.

Меня молча проводили до выхода, лишь пару раз поздравив и пожелав удачи. У входа стоял черный тонированный автомобиль неизвестной мне марки. Даже я, мало сведущая в машинах, сразу поняла, что автомобиль дорогой. Из него, словно дополняя эту идеальную картинку, вышла мисс Реджина, все также в черном и с пепельными волосами. Теперь на ней был черный кожаный костюм, который обволакивал ее совершенное тело, будто вторая кожа, подчеркивая линии тела большими серебристыми молниями на карманах и застежке. Яркими золотыми змеями обвивало ее шею ожерелье из цепочек. И снова – браслеты золотистыми манжетами в тон ожерелью вокруг костлявых тонких запястий. Но я уже знала, что на левой руке запечатлелись татуировкой ее грехи и веселье молодости.

– Здравствуй, Мелани. – Она улыбнулась мне, как будто действительно соскучилась. – Как ты?

– Отлично, – пробурчала смущенно я, одергивая кофту, словно пыталась раствориться в ней, и почесывая зудящее запястье.

Я ужасным контрастом стояла рядом с ней, отличная иллюстрация: принц и нищий.

– Ну что? Ты готова начать новую жизнь?

Я кивнула.

Она открыла дверь, приглашая внутрь салона. Поблагодарив медсестер и Салем, вышедших меня проводить, я нырнула в салон, и через секунду рядом со мной сидела Реджина.

Машина тронулась.

– Что это? – Реджина ткнула пальцем в пакет у меня в руках.

– Мои вещи.

Да, все вещи, которые собрались у меня за год, умещались в один пакет. Скучные пожитки и остатки чьей-то жизни, отданные мне в пользование.

Реджина несколько секунд прожигала пакет взглядом, после чего потеряла всякий интерес, откинувшись на сидение и упершись взглядом в окно.

– Ты не передумала по поводу своего имени? Все еще хочешь его узнать? – Ее голос был тих и вкрадчив, она все также смотрела в окно, будто не со мной говорила.

– Я подумала, что не хочу знать, – пробормотала я, запинаясь.

После ее ухода тысячу раз прокручивала наш странный скачкообразный разговор. Я заметила в отражении стекла, как Реджина легко улыбнулась: видно, ей понравился мой ответ. Это придало мне храбрости.

– Вот только до сих пор не знаю, сколько мне лет. Если на имя наплевать, то без возраста жить тяжелее.

– Гадаешь, насколько ты молода?

Она засмеялась тихим грудным смехом, задевая мое самолюбие.

Ну почему эта женщина задает такие странные вопросы, выбивая меня из равновесия, будто всегда читает скрытый подтекст в моих словах?

– Нет, просто интересно: достаточно ли я взрослая, чтобы напиваться и скачивать порно, – не выдержала я и съязвила в ответ.

Но моя колкость в очередной раз прошла мимо Реджины. Хелмак оставалась для меня неуязвимой и непробиваемой. Честно сказать, я догадывалась, что мне больше шестнадцати, если верить словам директрисы, ведь поступила же я в какой-то колледж.

– Тебе восемнадцать.

– Спасибо.

– Еще что-нибудь из прошлой жизни? – спросила она, будто предлагала дополнение к заказанному блюду: еще что-нибудь будете заказывать или так сожрете?

– Да. Я же училась в колледже. На кого я пошла учиться?

– Дизайнер-оформитель, кажется.

Она произнесла это не очень уверенно, с толикой пренебрежения. Ее ответ удивил: я, которая не могла нормально держать ручку, занималась творчеством. Хотя, ручку держать не могу после аварии; может, до этого я отлично рисовала?

Кожа на запястье горела невероятно, заставляя еле сдерживаться, чтобы не содрать её с запястья. Мой мученический вид не ускользнул от Реджины.

– Что это? – Она кивнула на руку.

– Чешется. Врачи прописали таблетки, после них начался зуд.

Я показала красное разодранное запястье левой руки, где уже корочками и содранными ранками предстал мой дискомфорт последних недель. Порой даже спать не могла, расчесывая руку так, что наутро приходилось ее забинтовывать, чтобы ранки успели затянуться.

Реджина взяла меня за руку – первое прикосновение ко мне. Ее пальцы были холодные, но по ним словно бежал ток. Внезапно я почувствовала, как зуд отступает и жить становится легче.

– Выкинь все таблетки. Они тебе не нужны.

Я опешила. Более абсурдного совета не слышала. Недолеченная, я все еще мучилась головными болями; к тому же, ныли сросшиеся ребра. Я уж не хочу вспоминать, когда адски тяжело было ходить в туалет: это давалось с трудом и болью, как говорится, потом и кровью.

Возможно, моим сверхбыстрым выздоровлением я обязана именно лекарствам, которые подстегивали мое жадное до жизни тело.

– Все таблетки – это пустое. Когда осознаешь это, сама выкинешь. Ну? Тебе не интересно, куда мы едем?

– В очень частную школу, – вспомнила я ее фразу из первой нашей встречи.

Она решила, что мне все-таки интересно. Поэтому, спросив позволения закурить и получив его, она достала сигарету с длинным мундштуком из сумки – к слову, завершившую ее невероятный образ – и начала рассказывать про мою новую жизнь.

– Школа находится рядом с Шотландией, возле маленького городка Блэкбёрн. Мы располагаемся рядом с лесом в старинном замке, который местные жители вот уж на протяжении нескольких веков называют Шабашем. Собственно, поэтому школа и называется «Саббат».

– А почему так называют? – не удержалась я от любопытства.

– Ходит легенда, что в 17 веке хозяйкой была ведьма, которая собрала вокруг себя таких же женщин и создала Шабаш. Их потом сожгли, а замок так и остался с этим именем.

– Начал вторую жизнь? – усмехнулась я, проведя аналогию с собой и именами.

Наконец-то Реджина среагировала на мою шутку и рассмеялась.

– Да, замок начал вторую жизнь. Школу в нем открыли мои дед с бабкой во время Второй мировой войны, а я продолжаю их дело. Учеников у меня всего шесть человек.

Я не удержалась от возгласа удивления, в моем представлении школа – это визжащие, носящиеся по коридорам и классам дети, их много, и они везде. Хотя, наверное, мало учеников, потому что не каждый родитель захочет отправлять своего ребенка так далеко.

– В прошлые времена их было намного больше, таково положение дел на сегодняшний день. – Реджина грустно вздохнула, затягиваясь никотином. Я видела, как алым огоньком зажегся кончик сигареты. Сама женщина ушла мыслями куда-то далеко, в не очень приятное прошлое, судя по ее грустному взгляду. – Кстати, тунеядцев не терплю. – Она очнулась и пронзительно посмотрела мне в глаза, отчего я снова почувствовала подобие ужаса. – Так как оплатить свое проживание у меня и учебу ты не можешь, то будешь не только учиться, но и работать. У меня есть правила, с которыми ты ознакомишься и будешь выполнять. В дополнение к этому списку ты будешь выполнять работу по дому.

– Какую?

– Будешь помогать мисс Татум. Она у нас управляющая и станет твоей начальницей, и если от нее будут поступать много жалоб, леди, то тебе несдобровать. Поверь, наказание за мной не постоит. Еще раз – не люблю тунеядцев и лгунов.

– Хорошо.

– Затем съездишь с Евой в город и купишь одежду и другие вещи. А этот пакет из больницы можешь выкинуть. Я хоть и люблю скромность в одежде и стиль пятидесятых, – проронила она, посмотрев на меня, – но не люблю явное старье. Ты красива, и тебе стоит одеваться лучше. В соответствии со своим новым положением.

Я не знала: то ли радоваться, что шикарная женщина вроде Реджины посчитала меня красивой, то ли огорчиться из-за того, как выгляжу сейчас. От смущения я еще больше запахла в кофту Салем, почувствовав ее неприятный запах герани и мази от радикулита.

– И купи себе духи, хорошие, качественные. – Реджина опять продолжила мою зарождающуюся мысль, будто снова заглянула в центр меня.

– Хорошо.

– Хорошо, мисс Реджина, – поправила она, но я увидела, как уголки ее губ слегка изогнулись в улыбке.

– Хорошо, мисс Реджина. – Я открыто ей улыбнулась, давая понять, что теперь принадлежу ей. У меня появился кто-то.

Через два часа мы уже подъезжали к школе Саббат, приехав из шумного Ливерпуля на лоно природы: поля, холмы, лес. Тишина и спокойствие. И ветер.

Школа предстала большим серым каменным замком – отличная иллюстрация средневековой архитектуры. Тут даже был ров, заполненный водой и кувшинками, сильно помельчавший и одичавший. К замку вела каменная дорога, которую когда-то расширили – наверное, чтобы дать понять, что здесь гостеприимны; а еще снесли и куда-то дели ворота и подвесную дверь, оставив большой дырой проход во двор, заглатывающий приходящих и приезжих. Словно в насмешку, тут и там стояли современные каменные вазы с цветами, которые пытались смягчить суровый вид замка, будто ворчливого старика украсили венком. Но все равно это впечатляло.

– Пряма Хогвартс какой-то, – прошептала я.

– Ведьмы и колдуны прилагаются.

Реджина резко открыла дверь, наполнив салон машины звуками извне, и грациозно выпорхнула из машины. И чем ей не нравится милая сказка про Гарри Поттера?

Я робко сидела и боялась выйти, рассматривая Шабаш из окна машины, будто из бункера.

– Ты собираешься выходить? Или все-таки передумала?

Реджина сурово смотрела на меня с улицы. Глубоко вздохнув, я неуклюже выползла на дневной свет и сильный ветер, судорожно сжимая свой пакет, будто это могло защитить меня.

С улицы замок был еще суровей, теперь он представлялся замкнутой серой глыбой, сплошная стена с черными длинными окнами. Я так и не смогла посчитать, сколько здесь этажей, потому что окна везде располагались по-разному. Самое большое количество – в четыре этажа.

– Пойдем, – вывел меня из ступора командный голос Реджины.

Я обернулась и увидела, как она с интересом рассматривает меня, будто впервые видит.

И вот она с видом королевы развернулась и пошла к главному ходу с огромной дубовой двери главного входа.

Я поплелась за Реджиной, чувствуя себя неуютно, будто под прицелом. И тут, подняв глаза над дверью, я увидела на огромном балконе над входом несколько людей – это были преимущественно молодые мужчины. Они сурово смотрели на меня, а я почувствовала себя в ловушке, испугавшись их вида. Хотя они просто наблюдали с серьезными лицами. Что-то меня страшило в них, поэтому я рванула быстрее за Реджиной, чтобы скрыться из поля зрения.

Вбежав внутрь, я наконец-то сообразила: на балконе стояло две пары близнецов.

– Это мажордом Хью. Он немой, так что не требуй от него ответа.

Передо мной стоял лысоватый мужчина, который выжидательно замер возле Реджины. Пряма, как по всем правилам: в замке с ведьмами есть тот, который ничего не расскажет. Интересно, они его сделали таким специально?

Вдруг Реджина обернулась на меня, словно прочитала последнюю мысль, и улыбнулась, как славной шутке.

– Пойдем, Мел, я тебя познакомлю с Артуром и мисс Татум.

Она с прямой спиной, будто вместо позвончика у нее стальной стержень, стала подниматься по широкой каменной лестнице, извивающейся спиралью наверх.

На втором этаже, пройдя коридор, обитый темными деревянными панелями с картинами безликих сельских пейзажей, мы вошли в просторный кабинет, где первое, что бросилось в глаза – много света из-за огромных окон от потолка до пола.

Затем я увидела мужчину с седыми волосами, как у Реджины. Он повернулся, и изумление током прошло сквозь мое тело: мужчина был копией Реджины, скажем так, мужской версией. Те же глаза, тот же изгиб губ, такие же волосы.

– Артур, познакомься с нашей новой ученицей мисс Мелани Гриффит. – Он изумленно повел бровью. – Такое имя дали бедолаге в больнице. Она не фанатка этой актрисы!

– Очень приятно, мисс. Артур Хелмак. – Он протянул ладонь для рукопожатия. Рука у него была нежная и сухая, что не сочеталось с его образом.

– Вы очень похожи, – единственное, что смогла выдавить я из себя, услышав, как блеет мой голос от страха.

– Мы с Реджиной близнецы. – Он повел себя странно, будто я сказала самую глупую вещь. Здесь что, коллекционируют одинаковых людей? – Я слышал, что ты ничего не помнишь.

Он пригласил присесть напротив него за маленький кофейный столик, а тем временем Реджина практически рухнула в кресло, будто она не ехала пару часов в машине, а шла пешком на своих высоченных каблуках.

– Ничего, сэр.

– Ни откуда ты, ни воспоминания о детстве, ни о том, как ты оказалась здесь?

Перед глазами вспыхнул яркий колышущийся красный цвет и померк.

– Ничего. Говорят, амнезия.

– Я знаю, читал заключение врачей.

А зачем было спрашивать об этом? В этот момент кто-то вошел в комнату, и Реджина приказала принести нам чай.

– И никто тебя не навестил за все время в больнице?

– Никто.

Простой вопрос – простой ответ, но опять ввергнута в пучину одиночества и ненужности.

– Реджина тебе объясняла, что наша школа частная и закрытая? Поэтому тебе повезло оказаться тут. Ты осознаешь это?

– Да, – сказала я, почувствовав напряжённую тишину со стороны Реджины.

– У нас свои правила, и им должны все следовать. – Он сунул мне листок, лежащий рядом, где, как в договоре, были перечислены обязанности обеих стороны. Только я углубилась в чтение, как меня тут же прервали. – Потом прочтешь. Наверное, у тебя возникли вопросы?

Куча! Но я не знала с чего начать, поэтому начала с самого тупого.

– А где дети?

– Какие дети?

– Ну, ученики. – Перед глазами возник образ толкающихся школьников, спешащих на занятия.

– Наши ученики уже давно не дети. Хотя выросли тут. Обучают тут в частном порядке, так же и как дают высшее образование, поэтому в нашу школу очень трудно попасть. Следующий вопрос?

– А как будут учить меня?

– С тобой будут работать приезжие учителя. Я слышал, что амнезия сильно повредила твои способности к чтению и письму. Начнешь учиться со следующей недели – я думаю, этого времени тебе хватит, чтобы обосноваться и привыкнуть. – Он замолчал, ожидая очередного моего вопроса, но, не дав его озвучить, продолжил: – Я и мисс Реджина являемся директорами этой школы. Поэтому по пустякам нас лучше не беспокоить, все вопросы к мисс Татум или Норе. С ними ты познакомишься чуть позже. Понятно?

– Да. А что за работу я должна выполнять?

– Простую. Не думаю, что мисс Татум тебя сильно завалит. Наверное, это будут обязанности следить за домом. Это ты спросишь у нее сама.

Я замолчала, не зная, какой вопрос еще задать, чувствуя себя неудобно. Даже с неким теплом вспоминала свою обшарпанную палату, где все было просто и понятно. Тут же были рамки, обязанности и правила, а еще сквозняк и липкий влажный холод замка, несмотря на то, что за окном стоял разгар лета.

– Я думаю, на этом пока всё. Вопросов у тебя нет?

Я отрицательно качала головой.

– Тогда пойду, позову мисс Татум.

Через мгновение появилась женщина, которая, вежливо улыбаясь, налила нам чая. Она загрузила мой мозг еще больше: в мои обязанности входило следить за порядком в главной гостиной, следить за кулерами с водой и звонить поставщикам, а также в определенный день звонить разным людям, чтобы вызывать их в замок. В принципе, ничего сложного, но список людей был внушительный: электрики, сантехники, трубочисты, горничные, повара и так далее.

– Дом должен содержаться в идеальном порядке, – произнесла она в заключение беспрекословным тоном.

Наверное, с этой фразой можно идти в бой и умирать под вражескими пулями.

– Я думаю, мы совсем запугали и вымотали девочку, – сказала Реджина, все это время внимательно слушавшая и наблюдавшая за мной. – Ингрид, будь добра, проводи ее.

Ингрид, вот как звали эту чопорную мисс Татум. Кивнув, она встала, дождалась меня и повела куда-то наверх.

Пока мы шли, я заметила, что замок слишком тихий и кажется пустым. Все-таки для шести учеников, ой, теперь семи, слишком велик. Пройдя пару коридоров, мы вышли к крылу с дверями.

– Здесь спальни учеников. Вот это будет ваша.

Она раскрыла пятую дверь справа, показывая обстановку в ней: широкая кровать с деревянными столбиками, на которой инородно лежал мой пакет с вещами, простая тумбочка с лампой и шкаф. На стене висел очередной нудный сельский пейзаж. Выглядело все аскетично и мрачно. «Келья», – пронеслось в голове, хотя я понимала, что кельи такими не бывают.

– Через полчаса жду вас внизу на ужине.

Она развернулась и гордо пошла по своим делам. Тут всех дрессируют ходить с такой горделивой осанкой? Я, словно обезьянка, также выпрямила спину, отведя лопатки и задрал подбородок.

– Через полчаса жду вас внизу, – передразнила я её вполголоса.

В этот момент за спиной послышался легкий шорох. Я обернулась и заметила, как дверь через две комнаты напротив с щелчком захлопнулась – кто-то подсматривал за мной. От этого стало не по себе, поэтому я попятилась и спряталась в своей комнате, закрыв дверь на замок.

Рэй

Я их всех увидела в первый же ужин. Шесть пар глаз неприятно, оценивающе шарили по мне от ног до головы. Выглядела, по сравнению с ними, ужасно: все та же Салемская кофта и платье медсестры. Их было шестеро, а также Артур и Реджина. И только двое отрезвляли от ощущения, что я в комнате с зеркалами: три пары похожих друг на друга людей.

Седовласые близнецы Артур и Реджина, молодые, светловолосые близнецы Ной и Ева с тонкими орлиными носами, рыжие Курт и Кевин, но, судя по небольшой разнице в возрасте, они просто братья. Завершали двое парней, но оба были не похожи друг на друга, сбивая эту двойственность в глазах – Рэйнольд и Стефан. За столом было шесть мужчин и две женщины. И кто-то из них снес своей машиной не только мне память, но и прошлую жизнь...

– Знакомьтесь, Мелани Гриффит. – Голос Реджины усилил желание убежать и спрятаться.

Тяжело быть под оценивающим взглядом, тяжелее, когда так смотрит одинаковая пара глаз, еще тяжелее, когда их три.

Я сажусь с края, уткнувшись взглядом в тарелку, в которую налито что-то белое. Все наблюдают за мной, после чего мерно продолжают есть.

– Ева, завтра с утра съезди с Мелани в Ливерпуль и купи ей одежду и другие принадлежности.

Голос Реджины звучит, как у матери, дающей указания. Я поднимаю глаза и встречаюсь с недоуменным взглядом Евы.

– Она из больницы. И у нее достойных вещей нет. Мы же не позволим ей ходить, как голодранке? – Реджина говорила это Еве, но складывалось ощущение, что объяснялось всем.

– Может, ей поехать с кем-то более старшим? Не думаю, что Ева – удачный вариант, – произнес Стефан, прожигая Реджину взглядом и вызывая у Евы беспокойство.

Мне кажется, я слышу, как все его существо противится моему присутствию за столом.

– Я могу поехать вместо Евы, – тихо произносит парень на конце стола, не отрываясь от своего супа.

Я снова переключаюсь на свою тарелку, пытаясь заглушить обиду и испуг перед этой кастовостью людей.

– Нет, Рэй. Мелани поедет с Евой. Или вы считаете, что она не справится с походом в магазин? Чуть ли не какая!

Реджина гневно звякает браслетами и приказывает всем не заикливаться и принять меня в свою семью.

Все начинают есть. Суп, оказывается, просто пальчики оближешь: сливочный вкус и картошка с грибами. Но мое нервное состояние сыграло злую шутку. Сколько бы я ни съедала, ощущение было противоположным – я становилась все более и более голодной. Практически накинувшись на блюдо, суп прикончила за считанные секунды. Ну как так можно?! Они что, не знают, как кормят в больнице? Доедая последние куски картошки, я уж было хотела попросить добавки, потому что мой желудок болезненно сжался от голода и заурчал, как меня пробудил окрик Артура:

– Стефан, прекрати сейчас же.

Я обернулась в тот момент, когда от меня отворачивался с недовольным видом Стефан. Кажется, он видел мое моральное падение в виде остервенелого поглощения супа. Стало не по себе... Все эти люди – отъявленные мажоры и брезгливые задаваки. И как я могла поверить в счастливую новую жизнь в кругу таких гадких воображал?

Тут мое запястье снова напомнило о себе зудом, и я опять начала сдирать кожу ногтями.

За ужином я старалась рассмотреть всех и подивиться на каждого. Эти люди были некоей экзотичной коллекцией. Ева и Ной, два библейских имени, с соломенным цветом волос, как у ангелов, и тонкими орлиными носами, и серо-голубым цветом глаз. Они – сочетание несочетаемого, напоминавшие чем-то инопланетян с неспешными, размеренными движениями; если задержать на них взгляд, ты понимал, что они прекрасны. Вообще-то, тут про каждого можно сказать, что он прекрасен. Нет, эти люди не модельные красавцы, но в каждом было что-то магнетическое: через секунду ты осознавал, что они – произведение красоты от самой природы.

Следующей парой были рыжие братья Курт и Кевин. Курт был старше Кевина и коренастей, у него было мужественное лицо с квадратной челюстью и пухлыми губами, глядя на которые, задаешься вопросом, каково целоваться с ним. Кевин был более миниатюрной версией брата и не вызывал желания целоваться при взгляде на его губы, хотя они тоже были пухлыми, но не такими, как у брата, зато у него были живые карие глаза и милейшая улыбка. Поймав мой заинтересованный взгляд, он улыбнулся и подмигнул, отчего впервые вызвал прилив смущения и приятного щекощущего чувства. Он единственный, кто, кажется, был мне рад.

Далее были самые неприятные индивидуумы – Рэй и Стефан.

Стефан был брюнет с цепким взглядом карих глаз и острыми, как у эльфа, ушами. Его особенностью еще были красивые густые широкие брови, изящный изгиб которых подчёркивал взгляд. Рэй сидел дальше всех, я так и не смогла его подробно рассмотреть, потому что он все время откидывался на стул, прячась за собеседниками. Я видела лишь красоту профиля и длину ресниц. Он иногда делал изящное движение рукой, откидывая с глаз непослушную прядь. Я заметила, что парни все длинноволосые с густыми шевелюрами, ни одного гладко подстриженного или с лохматыми спутанными волосами: легкая небрежность придавала им всем шарма и сексуальности. Даже противоположно, но самому красивому Стефану.

Сочетание несочетаемого. Вот они кто.

Они говорили о каких-то знакомых, делах, переходя иногда на французский или латынь, подчеркивая свое различие между мной и ими. А я? Я – лишь непрекращаемый зуд в кисти до крови, до жил, до костей.

Происходит три смены блюд, пока приносят чай и разную выпечку, и Кевин протягивает мне блюдо с пирожными, улыбаясь: «Попробуй эти, они очень вкусные». Он очень мил. Мне кажется, я ему нравлюсь, от этого ощущения становится горячо щекам. Я ловлю себя на мысли, что мне хочется, чтобы именно он был водителем того «Шевроле Корвета», который оставил на память два уродливых шрама на ребре, но саму память отнял.

Я пробую пирожное, оно действительно вкусное. Практически шепотом благодарю Кевина. Вот только за одно пирожное или что-то большее, человеческое?

Я вышла из-за стола последней, направляясь тенью за ребятами и стараясь не смотреть на их широкие мускулистые спины. Кевин ушел вперед, громко хохоча и что-то рассказывая Ною и Курту. За ними шла Ева, набирая кому-то смс, за ней молчаливыми стражниками шли Рэй и Стефан. Кажется, эти двое объединились против меня, а может, и не объединялись, может, они давно дружили настолько, что у них было одно мнение на двоих.

При подходе к спальням они не свернули в коридор, а прошли вперед в большое залитое электрическим светом помещение – это была их комната отдыха, или гостиная. Я решила заглянуть: огромный плазменный телевизор, ноутбуки, диваны – всё выглядело очень по-современному, будто ты вовсе не в старинном замке.

Но не успела я войти внутрь, как дорогу мне преградил Стефан.

– Куда? – Я почувствовала, как все обратили внимание на нас, замерев. – Тебе сюда нельзя.

– Стефан, – неодобрительно окликнул его кто-то.

– Стеф, руку, посмотри её руку, – это был вкрадчивый голос Рэя за Стефаном.

Я почувствовала себя в ловушке; высокий и широкоплечий Стефан, словно скала, нависал надо мной, прожигая черными глазами.

Все случилось очень быстро, и в то же время будто в замедленной съемке: вот я смотрю на свои руки, все также рефлекторно расчесывая левое запястье, а вот теплая мужская ладонь с длинными, изящными пальцами накрывает его, посылая заряды электричества по всему телу, и грубо выпрямляет мою руку, чтобы вытащить на свет и на всеобщий обзор мое горящее, зудящее запястье, которое стало сплошной кровоточащей коркой.

Я поднимаю взгляд и впервые за все время смотрю в лицо Рэя, пугающе близкое к моему. Если я остальных находила красивыми, то Рэйнольд для меня самый красивый – он словно золотая середина их всех. Если Стефан пугал своей брутальностью, словно вырезанный из скалы, а Кевин был солнечным мальчиком-соседом, то Рэю никак не подходило ни одно сравнение. У него темно-русые волосы, острые скулы, так что кажется: проведи рукой – обрежешься, и грустные серьезные глаза, которым хочется довериться, но тебе не дадут. Он смотрит, держа меня за руку, а я чувствую, как ток течет через все тело, и мне хочется кинуться к нему, прося защиты.

Но с чего вдруг? Он же такой, как они.

– Что это? – Голос Стефана возвращает меня в позорную реальность, заставляя забыть весь этот романтический бред, который выбил почву из-под моих ног. – Что с рукой?

Стефан надвигается на меня, а Рэйнольд все еще держит мою руку, вытянув на всеобщее обозрение.

– Не лишай. Не беспокойся!

Я пытаюсь вырвать руку, но Рэй держит крепко, отчего ранки еще сильнее начинают кровоточить. Мне больно. Стыдно. Ненавистно.

– Хватит! Прекратите оба! – Кевин, словно лев, грозно кричит на Стефана и Рэя, отнимая мою руку и прекращая эту пытку. – Вы только делаете хуже.

Видно, обоим есть что сказать: они испепеляют и буравят друг друга взглядами.

– Иди, Мелани. – Кевин, не поворачиваясь ко мне, отсылает меня в свою комнату, как маленькую.

Я только «за». Мне противны эти люди, возомнившие себя бог знает кем.

– Мелани, – Рэй нежно протягивает мое имя, словно смакуя его, пробуя на вкус, неосознанно посылая по моему телу мурашки. Я поворачиваюсь к нему и понимаю, что нежность напускная, что будь его воля, он не только бы мне руку сломал, но и шею. – Мелани... Это же с древнегреческого означает «черная»? Сама выбрала или кто дал?

Я не понимаю, к чему это он. Но судя по тому, как все замерли, вопрос заинтересовал всех.

– Ага, увлекаюсь на досуге древнегреческим. – Моя попытка съязвить не прошла, оставив их все так же непробиваемыми. Видно, это свойство – дополнение к их осанке – входит в программу обучения здесь. – Назвали, как назвали. В больнице и похуже имена дают. Я не выбирала.

Мой ответ, видно, был правильным, потому что незаметно для глаза что-то изменилось в замерзших фигурах людей.

Кевин засмеялся, покровительственно положив мне руки на плечи. Но отчего его смех казался наигранным?

– Рэй шутит. Не обращай внимания. Он у нас странный немножко! Мелани, Мария, Меган, какая разница? Мелани Гриффит – в больнице люди с юморком, смотрю.

Пока он говорил, я видела, как Рэй смутился и прошел вглубь комнаты, снова уйдя на задний план.

– Да, в больнице те еще юмористы. Я их просила назвать Мэрилин Монро, но, кажется, поклонников не нашлось.

Кевин да Ева – единственные, кто рассмеялись в ответ на мою шутку.

– Пойдем, найдем тебе лекарство для руки. – Кевин подтолкнул меня к выходу.

Проводив меня в спальню, он ушел, чтобы вернуться с какой-то коробкой. Его не было пару минут, после чего раздался стук в дверь и, не дожидаясь ответа, Кевин вошел в комнату.

– Соскучилась?

Парень задорно улыбнулся, а я поймала себя на мысли, что он милый. Может, стоит в него влюбиться? И словно в насмешку, перед глазами возникло лицо Рэя.

– Здесь все такие милые? Или мне стоит искать друзей среди прислуги?

Кевин рассмеялся, сел рядом со мной и открыл большую деревянную шкатулку, в которой хранились бинты, пластыри, лекарства и прочее.

– Не обращай внимания. Они просто заносчивые, скоро привыкнут. Вот увидишь.

Он достал перекись и вылил мне на раны, та запузырилась с шипением, будто растворяя мою кожу. Можно желательнее с костями? Достал этот зуд. Но перекись безболезненно растворила всю грязь, обезвредив ранки.

Кевин вынул какую-то мазь без этикетки в тубике, похожую на крем для лица. Открыв тубу, я почувствовала гадкий запах.

– Что это?

– Мазь на травах и жире, тебе поможет.

Я наблюдала, как он аккуратно и заботливо колдует над моей рукой. В этот момент я заметила, что у него тоже что-то на запястье на левой руке под часами. Приглядевшись, увидела черный виток узора – татуировка.

– У тебя там татуировка? – Я кивнула на его руку.

– Да, сделал по глупости. – Он как-то замялся, сдвинув часы, чтобы я не смогла разглядеть ее.

– А мне, наверное, теперь вряд ли светит сделать татуировку на запястье, если шрамы останутся.

Он натянуто улыбнулся, заглядывая в мои глаза своими ореховыми.

– Не останутся. Мазь поможет. – Он начал забинтовывать мое запястье.

Я обратила внимание, что зуд стал отступать, зато на передний план выдвинулась ноющая боль.

– Это все от таблеток, которыми меня пичкали в больнице. На какое-то лекарство пошла реакция...

– Понятно. Тогда бросай их пить.

Я засмеялась.

– То же самое сказала Реджина.

– Тогда тем более бросай. Она плохого не посоветует.

И Кевин уже завязывает бантик на запястье:

– Вот и всё.

– Спасибо. – Я смущена его заботой.

– А где твои вещи? – Он огляделся в поисках, самое меньшее, чемодана.

– Вот. – Я кивнула на пакет в углу.

– Шутишь? – Он недоверчиво уставился на меня.

Я пожала плечами.

– Я же из больницы. А до больницы ничего не помню. Все мои вещи были сильно испорчены во время аварии. Так что это всё, что у меня есть.

– Теперь понятно, почему Реджина отправляет тебя по магазинам.

Он озадаченно чешет голову, запуская руку в медные волосы. И только сейчас я понимаю, что у парня нет веснушек. Это так странно.

– Можно вопрос?

– Ну?

– Это ты был за рулем Корвета? – Я не удержалась и спросила то, что меня грызло изнутри с тех пор, как я увидела всех мужчин за столом на ужине.

– А ты хочешь, чтобы я был?

Что за странный вопрос? Он этому у Реджины научился?

– Ну, ты хотя бы милый, тебе простить проще, – брякнула я вслух. Это вызвало смех у Кевина.

– Ты забавная, ты знаешь об этом? Ну, если хочешь, пускай я буду за рулем. Так что прости меня, засранца, что был за рулем и не справился с управлением.

– Если я забавная, то вы все странные. У вас какая-то мания брать на себя чужую вину. А еще отвечать вопросом на вопрос или размыто.

И снова приступ смущенного смеха.

– Есть такое. Мы много чего переняли у Реджины, она многим здесь, как мать. Поэтому не удивительно, что мы становимся ее воплощением.

– Понятно.

Теперь все точки над і расставлены. От этого становится легче.

– Ладно, давай, отдыхай. Мазь и бинты оставь у себя, пригодятся еще. Как только почувствуешь зуд, наноси новую порцию. Завтра тебя ждет умопомрачительный день шопинга – вы, девочки, это любите.

– Я, к сожалению, не знаю – люблю я это или нет. Так что это не ко мне!

Он тепло улыбнулся. А я наконец-то нашла определение ему: теплый. Кевин был теплый, как нагретое дерево на солнце. Рыжина волос, ореховые глаза, добрая улыбка. Такие парни согревают в зимнюю стужу и не дают сникнуть.

Попрощавшись, он ушел, оставив меня в комнате с вонючей мазью и уже привычным запахом герани от кофты Салем. Завтра я обязательно найду свой аромат. Хватит. Пора искать себя в этой темноте.

***

– Что это было, Стефан, Рэй?

Курт орет на нас, и я его понимаю. Отчасти. А перед глазами все еще стоит, как Кевин любовно, практически в объятиях, уводит ее. Я все еще в шоке от произошедшего. Что это было сейчас?

Даю голову на отсечение, она тоже это почувствовала, когда я схватил ее за руку, будто шаровая молния пронеслась между нами. Чёрт-те что творится!

– Прекратите себя с ней так вести! Вы только делаете хуже.

– Хуже? Да ты знаешь, что она такое? – Стефан орет в ответ, сжимая кулаки.

– Вот именно мы знаем, что она такое. Но она не знает!

– Она, как бомба с часовым механизмом!

– Так давай этот механизм не заводите? Ладно?

– Тем более, это ваша с Рэйем идея, чтобы она была с нами. – Голос Ноя басист и уравновешенно медлителен. Скандинавская кровь в нем и сестре очень сильна в такие моменты напряжения между нами.

– Мне уже не нравится эта идея. Рэй, ты чего молчишь? – Стефан шумно вздыхает и уходит к окну.

Я поднимаю глаза и мне нечего сказать, нет оправдания моему поведению. Ной прав, это была моя идея. Значит, надо вести себя соответственно. Но как можно держать себя в руках, если среди нас разгуливает Она, с таким невинным овечьим видом, когда внутри сидит волк?

В этот момент появляется Кевин, и я отмечаю, что его долго не было с нами, и он спокоен и расслаблен.

– Вы, ребята, молодцы просто. Если так дело пойдет, боюсь, мы сами из нее сделаем чудовище. Он плюхается в кресло напротив и включает телек, и я не выдерживаю:

– Как она? Что говорит? Что делает?

– Обычная девчонка, считающая вас заносчивыми говнюками, кстати, оправданно. Запугали ее совсем. Попроще, господа, и люди к вам потянутся.

– Что ты и делаешь! – Ева саркастически улыбнулась ему, намекая на его флирт с этой девчонкой.

– Что с рукой? – Перед моим взором встает отвратительная рана – запущенное последствие инициации. – Знак виден?

– Нет, какое там! У нее все расчесано до крови, не удивлюсь, если даже до кости. Она винит во всем аллергию на лекарства. Мазь оставил. Надеюсь, мы скоро узнаем, кто она теперь...

– Не доверяю ей. Ева, возьми завтра кого-нибудь!

Ева, как ни в чем не бывало, листала какой-то журнал о моде.

– Угу, Рэй, тебя. Отличное было предложение!

Я подавил в себе желание наорать на нее за беспечность. Вместо этого, стиснув зубы, прорычал:

– Хотя бы фонарь возьми, нож, хоть что-то в запасниках против нее!

– Ты еще мне предложи Реджину запихнуть в багажник про запас! – Она гневно откинула журнал и уставилась на меня. – Успокойся, Рэй. Она ничего мне не сделает. Я не вижу какой-либо угрозы для себя! А я, спешу напомнить, пророк. Не ты, а я.

Господи, да как эта глупая не понимает?!

– Ева, все может измениться в любой момент. Мира тоже так относилась к ним, как и ты, халатно, ища в них доброе. Что в итоге? Она мертва!

– Прости, Рэй, но я давно хочу сказать это: то, что произошло с Мириам, могло случиться не только по вине Химер. Она так же могла умереть и от руки смертного. Чудовища есть в каждом из нас, и ты это знаешь, просто когда-то у нас была возможность самоопределения.

Я заскрипел зубами от злости. Да, было, и я понадеялся, что смогу повторить это с новенькой, но теперь, видя ее реальную, во плоти, не могу отделаться от мысли, что в ней дремлет чудовище и мы ничего сделать не можем, просто оттягиваем момент её или нашей казни. Я уже давно понял, что счастливые финалы – для фильмов и книжек, на деле финал всегда один – смерть героя. Это отлично подтвердил труп Мириам, найденный в одном из отелей Ливерпуля. А она верила в счастливые концы и добро.

– Рэй, Стефан, просто дайте новенькой время. Если мы увидим, что она все еще Химера, мы сделаем официальный запрос в Сенат на казнь и сожжем ее.

Just do it

Это утро сломало систему, череду предыдущих пробуждений. Я настолько была вымотана, что совершенно не помню, как заснула. Меня словно поглотило ничто. Когда проснулась, не сразу поняла, где я.

Из постели меня вытащила Ева, как будто она торопилась на встречу, а не на шопинг.

– А завтрак?

– В городе перекусим.

– Зачем такая спешка?

– Пока Реджина не передумала. У нас ее платиновая карта.

Этот ответ был брошен через плечо, когда мы садились в машину и, как преступницы, рванули из Саббата. Хотя, преступницы не разъезжают на тонированных машинах с личными водителями. Всё это было странным, собственно, как и эти люди.

– Итак, пройдемся по списку.

Она открывает блокнот и начинает зачитывать. Я в ужасе. Он длинный.

– Мне сказали: самое необходимое.

– А это и есть необходимое.

– Зачем мне выходные туфли? Я же не собираюсь никуда выходить!

– Так ты не пойдешь со мной, если я позову на дискотеку?

О да, аргумент железный!

– А обязательно в туфлях?

Она посмотрела на меня взглядом, в котором читалось: «Ничего не понимаешь! Заткнись».

В итоге я поняла, что спорить с ней бесполезно. Пусть покупает, что хочет, хоть слона мне в комнату, если посчитает нужным.

– Откуда ты взяла вообще этот список?

– Из головы. Мне Кевин сказал, что у тебя только пакет. Вот и составила перед сном.

А Кевин, оказывается, трепло! Она продолжила чтение. Кажется, шопинг – это всё-таки не мое. Слишком уж много вещей! Я с Реджиной не расплачусь никогда.

– Кстати, что с рукой?

Ева резко вырывает меня из анабиоза раздумий, и я рефлексивно сжимаю кисть с повязкой.

– Все в порядке. Это не лишай. Просто аллергия на лекарства...

Я попыталась натянуть рукав, чтобы спрятать бинт.

– Да, ты вчера говорила. И все-таки, покажешь?

Черт, сдалась им моя рука! Зрелищ требуют? Пусть лучше съездят в больницу и посмотрят на жертв автомобильных аварий!

– Ну, покажи!

– Зачем?

– Я волнуюсь.

То, как она произнесла это, ни капли не говорило о беспокойстве за меня. Если хочет, пускай любит. Возможно она из тех людей, которые любят кунсткамеры и шоу уродцев.

Размотав бинт, я выставила руку на обозрение.

Ева брезгливо построила мину. Согласна, зрелище неприятное.

К тому же, подействовавшая мазь стянула ранки, образовав одну сплошную корку из запекшейся крови на запястье.

- Болит?
- Уже нет. Вчера весь вечер болело. Мазь все-таки хорошая, подействовала.
- Наверное, заживать будет долго.
- Лишь бы шрамов не осталось.

Приехав в огромный зал, где покупатели шныряли, не замечая ничего вокруг, кроме ярких вывесок, я расслабилась, потому что переживала, что попаду на люди в старом платье и страшных поношенных башмаках и привлеку к себе всеобщее внимание. Тем более, я выглядела чуелом рядом со стильно одетой, ухоженной Евой.

– С чего начнем?

Ева деловито достала свой список.

– Может, сначала у тебя есть какие-то пожелания?

– Да. Духи.

– Парфюмерия? – Ева воззрилась на меня, как на ненормальную. Я ее понимаю: стоит тут нищенка, одетая в старье, из вещей только джинсы, треники да майки, и просит духи.

– От меня воняет Салем. Это старуха из больницы, она мне эту кофту отдала. От меня разит геранью и ее радикулитом. Даже Реджина сказала, что стоит купить духи.

– А! Понятно. – Кажется, я смутила Еву своей исповедью. – Ну, пойдем. Начнем с косметики.

Там, где продавались духи и косметика, было много света и зеркал. При входе в бутик тебя сбивали глянец и блеск, пронзая до глазного дна и нервов. Жмурюсь. Каждая поверхность в этом месте отражала мою несуразность, словно крича, что мне надо уйти отсюда, это место не для таких, как я.

– Выбирай. – Ева сунула мне маленькую корзинку и сделала пасс рукой в сторону полок.

Это было подобно самоуничтожению: много всего, глаза разбегаются, ощущение ничемности и бесполезности. Боясь привлечь к себе внимание, я сунула первый понравившийся флакон – розово-черную коробку, потому что бутылка духов на ощупь напоминала приятный камень, только из стекла и с гранями. Оттенки запаха не волновали, лишь бы не воняло от меня.

– Всё? – Ева опять смотрит на меня, как на умалишённую. – А косметика не нужна? Помады, лаки, туши?

– Зачем? Я не умею краситься.

– Не хочу, чтобы ты у меня просила косметику, когда понадобится. – Ева вырывает мою корзинку из рук и стремительно идет к другим стеллажам. Пара взмахов руки – и к духам летят блестящие, похожие на карандаши, цилиндрические тюбики. Еще и еще, какие-то баночки пошли за карандашами.

– Ева, остановись. Мне это не нужно!

– Если не будет нужно, выбросишь.

Я смотрю в корзинку и вижу весь этот странный набор, и понимаю, что мне будет жалко все это выкидывать, но и пользоваться я вряд ли буду.

Я вздыхаю. В конце концов, деньги не мои.

Мой взгляд падает на красивые разноцветные лаки для ногтей. И впервые в жизни чувствую желание обладать этим.

– Лаки? Тебе нравятся лаки?

Ева удивленно проследила за моим замороженным взглядом. А я вспоминаю медсестру Люси, у которой каждый день был новый маникюр. И это так было красиво, когда ее пальцы с блестящими зеркальными ногтями очередного безумного цвета вводили иглу мне в вену, впрыскивая лекарство. Мне в этот момент хотелось такие же.

– Выбирай, Реджина платит, – задорно произнесла Ева, и я, не сдерживая улыбки, кинулась набирать. – О! Да ты рисковая: черный, фиолетовый, красный! Вот уж не ожидала!

– У Люси, медсестры из больницы, были красивые ногти именно этих оттенков!

Ева смеется надо мной, как взрослые, когда умиляются детям. Наверное, я и была такой сейчас, девочка-нищенка, но зато с духами и лаками.

На этом шопинг не закончился, становясь похожим все больше на каторгу. Одежда, яркая, словно конфетные фантики, тянулась передо мной нескончаемыми рядами. Ева постоянно меня тормозила вопросами: «А это как тебе?», «А это?», «Об этом что думаешь?». А я ничего не думала. Просто не понимала. Каждая вещь мне нравилась, но я не знала, модная она или нет, подойдет или нет, буду я носить такое или для меня будет чересчур. Единственное, что я смогла выбрать, это было нижнее белье, ведь стыдно признаться, у меня всего лишь была пара трусов и один лифчик, который был мал.

Вскоре своим амёбным поведением я взбесила уравновешенную Еву.

– Вот! Держи! Иди и мерь! – Она кинула в примерочную целую гору одежды, похожую на ворох экзотических цветов. На противоположной стороне в бутике со спортивной одеждой висел плакат, где на черном фоне огромными буквами было написано: «JUST DO IT!».

Хорошо, уговорили.

И я задернула занавеску примерочной.

***

Я всю ночь проворочался без сна: мысль о том, что Она спит через каких-то две комнаты, не давала покоя. Хотелось схватить оружие и проверить, что Она делает. Ощущение ее присутствия возрастало за счет осязания ее боли в запястье, знак инициации рвался сквозь ее кожу, чувствуя магию этого места и свою силу внутри. Все карты спутала амнезия, поэтому знак пропал. Я помню, как удивился в больнице, не обнаружив на тонкой сломанной руке знак Химеры, хотя знал на сто процентов, что это она, что поломанное тело девушки в коме – останки самого страшного существа на планете Земля. Именно тогда пришла эта дурацкая идея попробовать изменить зло во благо. Ведь делают же это Архивариусы! Правда, принудительно, а я хотел надавить на человеческие качества, которые, смел надеяться, в ней ещё не умерли.

Теперь эта затея казалось безрассудной и самоубийственной: с чего я поверил, что могу изменить человека? Тем более Химеру!

Смешно. Абсурдно. Безумно. И как они поддержали это? Теперь мы все ходим по тонкому лезвию ножа. Вжик! И наше горло перерезано ночью в отеле Ливерпуля, оставшись холодным трупом напоминая о нас, как о причуде природы.

«Вы вымираете, Инквизиторы! Скоро не останется для вас места! Мир катится в бездну, в ад. И править будем мы!»

Ее голос будет всегда прорываться сквозь пелену снов и реальность осколком пережитого ужаса.

Моей первой убитой Химерой была старуха, пойманная на воровстве заклятий у Инквизиции, выданная на заклятие и сожжение. Седовласая ведьма даже не сопротивлялась, улыбаясь своими белоснежными зубами с клыками, как у хищников, которые появились у нее от возраста и опыта. Именно она произнесла те слова, которые я запомнил, как пророчество, все больше приходя к тому, что это правда – чернота нашей жизни.

Я воин, и пока жив, буду бороться до конца. Нельзя позволить завтра Еве ехать с Химерой в город. Пускай та не помнит, но одна зацепка, одно воспоминание, и всё пойдёт прахом. Ева в опасности! Нужно что-то решать, как-то ее устранить.

Решение приходит быстро: Стефан. Он вырубит Еву на пару минут – этого будет достаточно, чтобы вместо нее поехал я. Уговаривать Стефана не придется. Решено. Завтра я еду вместо Евы.

Осознание, что я дебил и идиот, накрывает меня, когда вижу за завтраком пустые места Евы и новенькой. Простофиля! Все удивлены моим поведением, кроме Реджины, которая смеется над моей промашкой, когда, я проклиная все на свете, выбегаю из столовой, стремясь на кухню.

– Доброе утро, – здоровается со мной миссис Лонг, наша кухарка.

– Здравствуйте.

А сам кидаюсь в секретную подсобку с холодильниками и морозильными камерами. Там мне нужен холодильник, который мы между собой называем «мечтой вампира»: в нем хранится кровь животных, рептилий и даже людей. Сейчас мне нужна кровь хищника.

Первое, что попадает под руку – рысь. Отлично, сойдет.

Налив в стакан воды, я добавляю пару капель крови животного. Прочитав заклинание с именем Евы, я вызываю ведьмин огонь – самое сильное и древнее заклинание поиска инициированной ведьмы. Как пишут в книгах, каждая ведьма или колдун имеет магический огонь внутри себя, и именно это заклятие заставляет видеть следы огня на всех уровнях пространства и времени; главное четко представлять, кого ты ищешь. Чем лучше знаешь, тем быстрее найдешь.

Поэтому Еве от меня не скрыться, я знаю ее достаточно хорошо, а еще я – лучший колдун среди нас, который отлично может выслеживать ведьму, не сбившись и не заплутав.

Кровь рыси преобразуется в магическую силу, заставляя меня видеть и выискивать «жертву». Я практически чувствую вкус кожи и запах Евы, пространство вокруг меня вспыхивает призрачным мерцанием, показывая, что Ева давным-давно здесь была. Я иду по свежим следам, которые ярким свечением ведут меня из дома.

Схватив свой мотоцикл, я бросаюсь в погоню.

Чем ближе я к Еве, тем сильнее «запах» ее следа, тем материальней образы. Они выбрали Торговый Центр Сент-Джона, и я, словно выпущенная стрела, мчусь на предельной скорости мотоцикла.

Бросив байк на парковке, я рванул бегом в сам Центр. Всё. Им не скрыться. Время пошло на минуты.

Я практически видел призрачный след Евы, который теперь был похож на ее размытые фотографии в здании.

Еще чуть-чуть, и вижу реальную Еву, которая множится в моих глазах сиянием ведьмино огня. Она поворачивается ко мне и идет. Вспышка и заклинание потухает, выполнив свое дело.

– Рэй, ты зачем приехал? – Ее голос холоден и вкрадчив, но я знаю, что внутри у нее клокочет гнев.

– Думала меня обмануть? Не получилось.

– Нет, Рэй. Это ты думал обмануть, когда захотел вчера использовать Стефана. Вырубить меня, как это низко. В следующий раз, будь добр, если замышляешь что-то против меня, хотя бы покинь здание, а не продумывай свой коварный план в паре метров от моей спальни.

Я заулыбался: согласен, это было глупо – забыть, что Ева обладает даром пророка и видит будущее. Игра с ней в прятки – заранее проигрышное дело.

– В следующий раз я возьму с собой Стефана. Он будет только рад.

Имя моего лучшего друга звучит для нее отрезвляюще.

Все знали, что между ними происходит намного больше, чем дружба, но каждый отнекивался от отношений, находя разные причины. Стефан говорил, что они слишком разные, имея в виду их темпераменты, хотя обоим тянуло друг к другу, как магнитом. А сколько вечеров я выслушивал его ревнивые речи по поводу новых парней Евы. Хотя сам Стефан не был святым.

– Уезжай, Рэй.

– Ева, я тебя не оставлю наедине с этим.

– Этим? Ты даже ее имени произнести не можешь! А просишься быть здесь. Напомнить тему вчерашнего разговора? Про то, что мы сами из нее делаем?

– А я смотрю, ты прикипела к ней. Может, вы уже пижамную вечеринку собираетесь организовать?

– Уезжай, Рэй.

– Не уеду. – Я навис над Евой, такой невысокой по сравнению с любимым из нас.

Я любил Еву, как собственную сестру, даже больше. Ева была нашей маленькой, славной сестренкой, которая напоминала грациозную кошку, а если ее позлить, то она действительно чуть ли не шипела. В детстве мы все любили ее бесить, у нас даже игра была «достань Еву Вальде», незаметно для нее помогая оттачивать дар видеть будущее. Она на нас училась обходить все наши ловушки, разрушая коварные замыслы. И я, дурак, забыл про это вчера вечером. Все-таки с возрастом люди тупеют в хитрости и изворотливости.

– И как я объясню твое появление здесь, а? – Она изогнула бровь. – Мелани вас ненавидит и боится. Вы за один вечер сумели разрушить все планы. Молодцы!

– Клянусь, я слова против нее не скажу и ничего ей не сделаю. Если, конечно, она не будет представлять угрозу.

А она будет представлять. Притом всегда для меня.

– Ты баран. Упрямый баран!

– О! Какие нежные эпитеты, Ева. Флиртуешь?

Я заигрывающе улыбнулся.

В этот момент Она выскочила из примерочной, смеясь, будто маленькая девочка: «Глянь, какое платье!». Чудовище выглядело счастливым. Его так просто можно было принять за простую девушку. Хотя нет, не простую. Девушка была красива.

Черт.

Нет, не просто красива, а в моем вкусе.

При виде меня ее обворожительная детская улыбка моментально исчезла так, как в комнате выключают свет. Где-то на задворках души это неприятно царапнуло меня. Неосознанно вспомнилось ощущение электрического заряда от прикосновения к ее коже.

– Отлично выглядишь, Мел. Согласна, платье шикарно. Правда, Рэй?

Ева оглянулась на меня и у нее на лице, будто черным по белому, читалось: «Не вздумай».

Я обратил внимание на платье чудовища. Красивое – воздушное, бежевого цвета, до колен, с кружевами, оно больше подходило для действительно невинных девушек, чем для ведьмы. Отличная маскировка, чтобы задурить парням голову.

Именно о таких мы мечтаем рядом с собой, чтобы чувствовать не только любовь, но и беззащитность девушки, которую с радостью будем оберегать.

– Платье чудесное.

– Вот видишь, Мел, даже Рэю понравилось. А ему угодить сложно. Он, кстати, здесь случайно оказался и натолкнулся на нас.

Она обернулась ко мне, ища поддержки.

– Да, куртку искал, – соврал я, от злости отводя взгляд.

Докатился, оправдываюсь перед чудовищем.

– Оставляй это платье, Мел. В нем сейчас и пойдешь, – зашебетала Ева, заглядывая в примерочную, помогая Химере с одеждой.

Не вынеся этой суеты Евы вокруг Нее, я поплелся к кассе.

Через несколько минут стол накрыл целый ворох одежды, которую ассистентка упаковала в ряды бумажных пакетов.

– Поможешь донести до машины? – Ева не скрывала злорадства.

– Вы весь магазин скупили?

– Почему весь? Лишь малую толику! – Сарказм Евы достиг апогея, когда она в руки пихнула мне кучу пакетов. – Несите, рыцарь.

Тем временем Химера, оставаясь в бежевом платье, стояла в стороне, потупив глаза, можно подумать, она была не рада покупкам и чувствовала себя неуютно.

Сложив пакеты в багажник, я продолжал отводить взгляд от чудовища, не желая смотреть на нее.

– Ну что? Домой? – Надеюсь, мой голос прозвучал нормально, без раздражения.

– Нет. – Ева вскинула руку с часами. – Мы только что пропустили обед. Поэтому мы едем в кафе. Мы с Мел даже не завтракали.

Мой желудок нервно подал сигналы, что он тоже не прочь посидеть в кафе.

– Так куда?

– Пойдем. Здесь хорошее место есть.

Ева развернулась на каблуках и, не дожидаясь нас, села в машину.

Я остался с чудовищем один у багажника, невольно встретившись с ней взглядом. Ее серо-голубые глаза были обрамлены длинными ресницами.

«Красивые», – пронеслось в голове. И я сам себя обругал за то, что поддался обманчивости её невинного вида. Так нельзя!

– Иди, – приказал я и развернулся, уходя к своему мотоциклу, не оборачиваясь, но зная точно, что она смотрит мне в спину.

– Расслабься. У тебя такой вид, будто ты арестантку ведешь.

– Знаешь, если бы мы сейчас выгуливали аллигатора, то я чувствовал себя в большей безопасности, чем сейчас. У нас даже фонаря нет собой! – Я вспомнил, как Ева пресекла мою попытку всучить ей фонарь.

– Господи, ты неисправим. Неужели ты не видишь, что она нормальная. И ритуальный нож за спиной не держит.

– Это пока!

Мы шли с Евой по длинному залу вслед за официантом. Позади на достаточном расстоянии плелась Она в своем бежевом платье.

И вот мы расположились за столиком. И я впервые оказался так близко к Ней, чувствуя себя пойманным в ловушку. Мы с чудовищем сидели напротив друг друга, и теперь я в полной мере мог рассмотреть ее лицо.

Чудовище не обладало модельной или яркой внешностью. Обычная природная красота: красивый вытянутый овал лица с острыми скулами, в отличие от круглого личика Евы, нос прямой, чуть вздернутый. Но изюминкой были красивые глаза – не просто серо-голубые, как показалось у машины, а чуть с зеленоватым оттенком и темным ореолом вокруг зрачка: большие, серьезные, вдумчивые и... раздражающе напуганные.

А еще пышная блестящая копна, чуть выющаяся, подчеркивающая своими изгибами красоту лица, рассыпающаяся по плечам.

Даже цвет такой, как я любил: светло-каштановый.

Всё, как по заказу, Рэй! Только эта красота – маскировка для таких дураков, как я. Дай волю, разозли малость, и она растерзает меня тонкими пальчиками. Еще неизвестно, успела ли она заложить душу Дьяволу и какой у нее дар. Не зря Химеры делали ставку на нее и ее сестру, называя их своей надеждой и оружием против нас.

Я вижу, как чудовище не знает, куда деть глаза, раздражаясь и ерзая на месте, потому что я открыто разглядываю ее. Она выставляет вперед руку на стол, будто пытаюсь защититься от меня. Нервничай, чудовище, нервничай, я теперь буду рядом.

– Как рука? – Я пытаюсь скрыть сарказм, глядя, как мой вопрос застает ее врасплох.

Ева нервно толкает меня ногой под столом, чтобы прекратил.

– Отлично.

– Ты уж прости меня за вчерашнее. Не хотел показаться грубым.

– Ну что ты! Ты не показался.

Ее язвительные выпады мне нравятся. Храбрится.

Бойся, чудовище, бойся.

Ева делает заказ, а Она, извинившись, встает и идет в уборную. Я вижу точеную талию и длинные ноги ведьмы. А также наблюдаю, как мужчины за соседним столом провожают ее жадными взглядами.

Мне становится неприятно, гнев волной накрывает меня – эти глупцы не знают, кто Она.

И вот один отделяется от компании и идет за ней, оборачиваясь и ухмыляясь на друзей. Я пружиной вскакиваю, не задумываясь о том, что делаю, следуя за ними.

И мне это нравится

Его взгляд становится нестерпимой пыткой, когда он так нагло меня рассматривает. Мне некуда деться, никак не спрятаться. Он словно наслаждается тем, как я мучаюсь от его присутствия. Кровь носится по моим венам с невероятной скоростью, горячей лавой, заставляя сердце бешено стучать.

Мне нравится и не нравится этот открытый наглый взгляд Рэя. Что он хочет доказать этим? Чего этот гад добивается?

На толику, на самое малое мгновение, мне показалось, что я увидела взгляд человека за этим колючим терновником, каким он стал для меня. Мне даже показалось, что я ему понравилась. А потом сарказм, как едкая кислота, сочится из его глаз, разъедая мое относительное спокойствие. Ему не надо говорить, я вижу, что ему не нравлюсь, даже больше, мне кажется, он ненавидит меня. Правда, за что? Что такого я ему сделала? Ничего.

И все-таки отмечаю, что он красив, слишком красив, как ядовитый цветок: коснись – убьет тебя.

Рэйнольд. Имя соответствует образу. Ты выдыхаешь первый слог, а затем твой язык спотыкается, ударяясь о небо.

Так и я с ним: замороженно люблюсь, пока он не спрашивает про руку, и я возвращаюсь в реальность, ощущая враждебность и холод ко мне. Невыносимо. Я взвинчена.

Извинившись, спасаюсь бегством в уборную.

Я пытаюсь исчезнуть хоть на пару минут из его внимания, чтобы снова почувствовать себя целой, чтобы успокоиться.

Я замешкалась на повороте к уборной – и в эту минуту чувствую шершавую чужую ладонь на моей руке. Обернувшись, наталкиваюсь на незнакомого парня, который нависает надо мной; его взгляд откровенно раздевает, зрачки расширены. От мужчины неприятно пахнет.

– Познакомимся, крошка?

Он обдает своим дыханием, и меня воротит от этого. Мужчина пахнет потом, сигаретой, а ещё чем-то сладким и липким.

– Пусти. – Я дергаю руку, но моей силы не хватает, чтобы вырваться из его хватки.

– Ты слышишь, что девушка сказала? – неожиданно звучит голос Рэя. Он гневно смотрит на нахала. – Отпусти её.

И парень поднимает руки в знак капитуляции.

– Прости, чувак, не знал, что она твоя подружка. Думал, что ты с блондиночкой.

– Да, ты все неправильно понял.

Рэй заслоняет меня собой, наступая на незнакомца. Тот, похоже, испуган серьезным видом моего заступника. Рэйнольд словно вырос на глазах, или это я так испугалась? Я вижу его широкую спину. Там, под рубашкой, как я лишь могу догадываться, спрятана мужская каменная мускулатура, созданная природой, чтобы защищать слабых вроде меня

Незнакомец, извиняясь и жалко скалясь, уходит. Мы остаемся одни.

Рэй оборачивается и смотрит на меня обеспокоенно: неужели хочет поинтересоваться, как я?

Но нет: молчит, отворачивается и уходит за угол. Я прячусь в женском туалете, чувствуя, как, лихорадочно сбиваясь с ритма, стучит мое сердце.

Мне показалось, или только что Рэй сказал, что я его девушка? Почему он не сказал, что с Евой? Это только, чтобы меня защитить? А как же этот ненавидящий взгляд?

Вопросы взрываются фейерверком в моей голове и гаснут, не находя ответа. Чувствую себя уставшей. Последние два дня с их виражами я только и чувствую, как почва уходит из-

под ног. Я невпопад. Не могу найти успокоение, а как тут еще найти себя? Я злюсь на себя за свою незащитность и чувство страха. Эти люди постоянно выводят из равновесия.

Собравшись с духом, я делаю пару вдохов и выдохов, приходя к какой-то определенной точке. Умывшись холодной водой, наконец, достигаю спокойствия.

Хочет Рэй меня бесить? Пожалуйста, не поддамся или выскажу в открытую.

Надоело быть жертвой.

Выйдя из туалета, я наталкиваюсь на Рэйнольда, который, оказывается, все это время меня ждал за углом. На этот раз я открыто встречаю его подозрительный взгляд.

– Ты готова? – Почему-то складывается ощущение, что он имеет в виду нечто большее, чем мой поход в уборную.

– Да.

Впервые наше общение не содержит угроз, сарказма. Мы идем к заждавшейся Еве.

По возвращении в Саббат мои многочисленные пакеты с вещами огромным караваном переносятся немым Хью, служанкой, Евой, Рэем и мной. Кажется, я заполняю собой пространство.

И мне это нравится.

Я словно заявляю свое право быть здесь. Я теперь существую и обрастаю вещами. Смирись, Шабаш.

Мы шли по направлению к спальням – и вдруг натолкнулись на выходящих откуда-то Курта, Кевина и Стефана. В мокрых майках, блестящие от пота, покрасневшиеся – всё говорило о том, что они только что славно позанимались спортом. И я мысленно делаю отметку: оказывается, здесь есть спортзал.

При виде меня улыбка расцветает на лице Кевина. Он громко присвистывает и восклицает, вгоняя в краску: «Мелани, да ты просто красавица!». Я ответно улыбаюсь и отмечаю, что не только Кевин, но и его брат тоже улыбается мне, не отрываясь, глядя в лицо. И снова мой взгляд падает на пухлые губы Курта, и все тот же вопрос про поцелуй всплывает в моем затуманенном мозгу. Черт возьми, этому парню даже не надо стараться, чтобы вызывать интерес у девушек и такие мысли!

– Я смотрю, Рэй, ты совсем ручным стал?

Я отрываю взгляд от Курта и перевожу на Стефана. На его лице тоже улыбка, но жестокая. Кажется, он злится на Рэя. Черные глаза смотрят на друга с вызовом. Вот только почему? За то, что помогал донести пакеты?

– А вот и вы! – Ее голос звенит гонгом завершения не начавшейся словесной битвы, которая была готова здесь разразиться.

Реджина великолепна, как всегда. Все тот же монокром в одежде: черное с белым очень выгодно оттеняет ее пепельные волосы и, практически, такого же цвета глаза. Уверенным шагом она подходит к нам.

– Я смотрю, шопинг удался на славу. Надеюсь, вы не всю мою карту опустошили?

Она, слава Богу, шутит, довольно оглядывая кучи пакетов в наших руках.

– Мелани, наконец-то ты отлично выглядишь. Под стать самой себе.

Она улыбается, а я смущенно благодарю, еще больше заливаясь румянцем. Ну как ей объяснить, что это все Ева виновата? Что мне хватило бы пары вещей? Нет, я никогда не расплачусь с Реджиной.

– Вы, двое, у меня к вам разговор. Сейчас же в кабинет.

Она пальцем тычет сначала в злого Стефана, а затем в не менее напрягшегося Рэйнольда. И, не дожидаясь, уходит.

Рэй практически впихивает комом пакеты Кевину, после чего бросает на меня острый, задумчивый взгляд и уходит.

И тут я понимаю, что что-то изменилось в его отношении ко мне. Утром бы Рэй ушел, не взглянув.

Весь ужин прошел в молчании. Я чувствовала себя вымотанной, Кевин сел напротив меня и веселил: то играючи подсовывал лишние или, наоборот, отбирал у меня столовые приборы, то накладывал чересчур много пирожных на тарелку, то выкладывал слово «гадость» из спаржи у себя на тарелке, чтобы я смогла прочесть.

За столом отсутствовал Ной, его исчезновение объяснили «важными делами», Ева поглощала еду, сердито пялясь на Стефана. Кажется, между ними произошла ссора и, наверное, поэтому парень первым вышел из-за стола, сославшись на то, что не голоден. Курт и Артур – единственные, кто перекинулся парой фраз. Рэйнольд сидел задумчивый, витая в мыслях где-то далеко. Он ни на кого не обращал внимания.

– Рэй, завтра съездим в город к Мике? – обращается к нему Курт, но Рэй словно не слышит.

– Он завтра со Стефаном уезжает, – отвечает за него Реджина, и за столом повисает тяжелое молчание, словно все задышало тише и прекратили звякать приборами.

– Надолго? – Голос Евы ровно звучит, но внутренний голос подсказывает мне, что она испугалась.

– Как получится, – отрезает Реджина, и все молча продолжают есть.

Выходя из-за стола, Кевин мило пропускает меня вперед на выходе из столовой; благодарю, а сама оглядываюсь назад: Рэйнольд о чем-то тихо говорит с Артуром и Реджиной, но вдруг, словно что-то почувствовав, оборачивается и ловит мой взгляд.

Моя комната теперь не келья. В ней теперь есть всё. Я счастлива. Примеряю и прикладываю одну вещь за другой, вертясь у зеркала и дожидаясь, когда наберётся вода в ванне. Впервые сама себе нравлюсь. Я всё любовно складываю или вешаю на плечики и прячу в шкаф. Теперь он не пустой.

Я с ненавистью и обидой смотрю на пакет с моими больничными вещами. Мне жалко ту девочку, которой я была два дня назад и целый год. У меня теперь есть нормальные джинсы – целых пять штук, новые красивые блузки и майки в несчетном количестве, и платья.

Кевин прав: мы, девочки, любим шопинг. Точнее, то, что после него остается. Все эти вещи словно заполняют дыру внутри меня, словно залечивают все шуточки и подколы из больницы. Смотри, Розы, я теперь не только худая, но у меня есть вот это зеленое платье и туфли на каблуках. И пускай меня никто не любит, но зато я принадлежу теперь этому месту, которое тебе не приснилось бы даже в лучшем сне. Я даже нравлюсь Кевину, которому твой толстый парень в подметки не годится. Смотри, толстый развратник Джей, который щипал меня своими сальными пальцами за ляжки и намекал на секс. Смотри, ты считал, что я создана только для таких, как ты; нет, это ты не создан для таких, как я. Люси, ты думала, что самая красивая в больнице со своими ногтями? Смотри, сколько у меня лаков.

Я чувствую, как опустошена, и слезы прошлых обид готовы брызнуть из глаз. Клянусь, глядя самой себе в глаза, той, что в зеркале, что больше не позволю ее обижать. А пакет со старыми вещами сожгу, как свое прошлое.

Ароматная ванна, словно лечебный бальзам, успокаивает мои расшатанные нервы. Вода вымывает из меня запах затхлости, Салем и больницы. Я мысленно благодарю Еву за то, что та не послушалась меня в отделе косметики и у меня теперь есть шампуни, гели, бальзамы, которые источают райские ароматы. Они складываются в узор и составляют новую меня. Теперь я вкусно пахну: личи, розой и лотосом.

Выпорхнув из ванны, я надеваю ночную сорочку, которая, лаская, обволакивает мое горячее тело. Из зеркала на меня смотрит та, которой я еще не знаю: глаза блестят, волосы рассы-

пались мокрыми прядями по плечам, простая ночная сорочка выгодно подчеркивает изгибы. Выгляжу волшебно, нежно, как фея. Я впервые понимаю, что люблю себя.

На кровати еще валяется пакет с не разобранный косметикой. Я неуклюже беру его, и из него высыпается все содержимое на пол с глухой дробью пластмассы о деревянный паркет и раскатывается по углам.

Бухаюсь на колени и начинаю собирать все в кучу. Баночки, карандаши, тюбики, цилиндры. Каждую вещь рассматриваю, как экзотику. В итоге вокруг меня россыпью лежат достижения в области красоты за последний век.

Стук в дверь.

– Войдите.

На пороге появляется Ева в милом синем вельветовом костюме и с дымящейся кружкой чая в руке. Она смотрит на меня, сидящую на полу и разложившую тюбики цепочкой вокруг себя.

– Ты чего? Демона косметики вызываешь?

– Вообще-то нет. Просто рассыпалось все, а потом я засмотрелась на них.

– Ясно. – Она опускается рядом со мной на пол. – И как тебе?

Мне не хватает слов, чтобы описать, как преобразилась я за этот вечер.

Она смеется, видя мое восторженное лицо.

– Отличный был денек. Давно я так не выходила никуда.

– Да, отличный... – соглашаюсь я, мысленно добавив: "Если бы не Рэй".

– Я смотрю, Кевин к тебе неровно дышит. Советую держать с ним ухо остро. Он еще тот бабник!

– Правда? Жаль. А я уж было повелась! – Мне не очень нравится, что сказала Ева. Потому что Кевин единственный, кто согревает в этом царстве холода и нарциссизма. – А вообще, тут парни какие из себя? Я же о вас толком ничего не знаю.

– О! Хочешь узнать получше? – Она словно ненароком берет какой-то карандаш из кучи косметики и крутит между пальцами. После секунды раздумья она приходит к окончательному решению. – Хорошо. Давай знакомиться. Меня зовут Ева Валльде.

Она протягивает руку, а я, смеясь, пожимаю её.

– Очень приятно, Мелани Гриффит.

– Я – близнец Ноя Валльде, мы родом из Швеции. В Саббате живем с тринадцати лет. Мне и брату двадцать четыре, но брат намного умнее меня и многого достигнет в жизни.

– Ты так уверенно об этом говоришь? – Я удивилась, каким тоном было сказано про брата: будто это неоспоримый факт.

– Ну, можно сказать, я знаю это. Если, конечно, ничего не случится с ним.

– А на кого вы учитесь?

– Экономисты. Будем экономистами.

Она выжидательно посмотрела на меня.

– Экономисты, значит... У вас тут, я как поняла, индивидуальная форма обучения.

– Угу... – Она заинтересованно вертит в руках какой-то карандаш, потом снимает с него колпачок, и я понимаю, что это блеск для губ, от которого тут же зазвучал навязчивый аромат ванили.

– Никогда не слышала о таких школах, как Саббат. Хотя, слово «никогда» тяжело применять в отношении меня и памяти.

Я тоже хватаю какой-то тюбик, чтобы занять руки. Это оказываются тени.

– Саббат – не единственная такая школа. Много таких. Я даже сказала бы, мы одна из самых далеких и тихих школ.

– Представляю, всего шесть человек.

– С тобой семь.

- Ну, да. А остальные откуда?
- Ганны – из Шотландии. Они тоже тут с детства. Курту – двадцать пять, Кевин младше, ему двадцать три.
- Тоже экономисты?
- Да, – коротко отвечает Ева и отхлебывает чай из кружки.
И я ловлю на мысли, что тоже бы не прочь выпить чая.
- Это Кевин был в аварии? Из-за него я оказалась в больнице?
- Своим вопросом я, кажется, застаю Еву врасплох. Она закашливается, поперхнувшись чаем.
- С чего взяла?
- Он мне так сказал.
Вообще-то, у нас был странный разговор, где этот милый рыжий парень взял на себя чью-то вину.
- Правда?
- Не совсем. Он сказал, что если я хочу думать на него, то пускай будет он.
- А зачем тебе знать, кто это был?
- Теперь я изумляюсь вопросу. Они, наверное, в сговоре между собой, выгораживают друг друга.
- Я думаю, что имею право знать того, кто изменил мою жизнь. Так кардинально. – Я подбираю каждое слово аккуратно, боясь быть плохо понятой. Очень не хотелось бы поссориться с Евой.
- Раз Кевин сказал, что это он, значит он. Ты его теперь ненавидеть будешь? Ведь, как мне показалось, Кевин тебе нравится.
- Нравится... Нет, ненавидеть не буду... Даже, если это не Кевин. – Я думаю об этом, пытаюсь разобраться в себе. Наверное, все боятся, что я буду люто ненавидеть виновника произошедшего. – Просто интересно было. Возможно, вы правы. Это знать мне не стоит.
- Я прихожу к мысленному заключению, что Реджина была права с самого начала, не называя имен. И тут же в голове зазвучал голос Кевина из недавнего разговора о лекарствах: «Она плохого не посоветует».
- Хорошо, – продолжаю я после паузы, – а что насчет Стефана?
- А что насчет него? – Я слышу, как изменился ее голос, в нем зазвучали раздражительные нотки.
- Ну, кто он, откуда? И почему так люто ненавидит меня вместе с Рейнольдом?
Последнее звучит с явной горечью, выдавая все мои чувства к этой паре.
- Они тебя не ненавидят.
- Я на нее смотрю, выражая весь свой скепсис по поводу неуместной лжи.
- Ну, есть немного, – сдается она, громко вздыхая и закатывая глаза. – Просто эти два дурака слишком много проводят времени вместе. Вот и закливаются на чем-то.
- Они считают, что я не их уровня? Да?
- Что?
- Ну, я не слепая. Они явно снобы. Наверное, думают, раз я была на самом дне до аварии, то мне нельзя дать шанс? Как говорится, горбатого могила исправит?
- Ева молчит и пристально смотрит на меня, немного испуганно, немного с жалостью.
- Дай им шанс, Мел. Просто дай им шанс, и они дадут его тебе. У них все сложно в этом плане...
- А что с ними?
- Семейные проблемы. Лучше не спрашивай, не расскажу.
- Ясно.

Я задумываюсь, вспоминая глаза Рейнольда. Что такого могло случиться, чтобы человека сделать снобом? Может, кто из родственников был наркоман, алкоголик, который исчерпал лимит доверия?

– И откуда они оба такие?

– Стефан Клаусснер, он из Германии. Ему двадцать четыре. В Саббате относительно недавно.

– А Рэй? – Его имя тяжело произносить вслух, будто режешь сама себя.

– Он из Англии. Ему двадцать пять, появился в Саббате на год позже, чем мы с Ноем...

Она запинаяется и погружается в собственные мысли.

– И он тоже учится на экономиста?

Ева вздрагивает, будто забыла, где находится, и кивает в ответ.

– Да... Экономист... Все мы здесь экономисты. Считать очень любим.

Она устало трет глаза, одновременно смеясь какой-то шутке.

– Ладно, Мел, уже поздно. Пойду спать, завтра у тебя будет тяжелый день.

Заметив моё удивление, она поясняет:

– Слышала, что тебя хочет завтра вводить в курс дела мисс Татум. Я, как поняла, ты тут будешь еще и работать.

– Да. Это одно из условий Реджины. А на следующей неделе у меня начнутся занятия. Буду учиться заново держать ручку.

– Понятно. Ты реально не умеешь писать и читать из-за амнезии?

– Нет, читать я научилась еще в больнице. А вот пишу очень плохо. Как-то практики не особо много было. Я думаю, мисс Реджина под учебой имеет в виду что-то еще. Возможно, тоже экономиста будет делать, как из вас.

– Возможно. – Она с улыбкой направляется к двери.

Ее рука ложится на ручку в тот момент, когда, не совладав с собой, задаю вопрос:

– А какая фамилия у Рэя?

– У Рэя? Оденкирк. А что?

– Ничего. Просто любопытно. Спокойной ночи, Ева, и спасибо за все.

Она уходит, так и не догадавшись, что мне нравится не только Кевин. Но и самый ужасный человек в этой школе – Рэй.

Ложась спать, я произношу его имя, слушая, как оно звучит: Рэйнольд Оденкирк.

Звучит пугающе. Серьезно. Если имя рассекает воздух, то фамилия придавливает своей тяжеловесностью. Но мне нравится.

Ибо мой выбор делаю я сам

Следующая неделя не дает мне расслабиться. Она пролетает очень быстро. Наверное, все дело в том, что изменился мой ритм жизни. Слишком много информации и дел. Чувствую себя суперважной и нужной. Я горю. Я становлюсь маленьким винтиком, на котором держится замок Саббат.

Забыв про платья, косметику и прочее, я не вылезая из джинсов и блузок, неотступно следуя за мисс Татум.

Мой рабочий день длится с шести часов утра до часа дня. Сначала я выставляю корзины с вещами для стирки в коридор спальни и привожу тележку с вещами из химчистки. После чего иду на завтрак, затем на кухню к миссис Лонг и главной горничной, забираю список нужных продуктов и вещей, а потом все это передаю служанке, которая едет в город.

Дальше проходит обзвон нужных людей, и я вношу их имена в специальную таблицу. Пару раз приходилось искать служанке замену и делать звонки по делам мисс Реджины и сэра Артура, например, уточнять время её занятий по йоге, вызвать маникюршу, приглашать других людей, которые непонятно чем занимаются. В час у нас обед, который, как я поняла, Реджина и Артур очень любят пропускать. А затем начинается мое время. Правда, иногда все-таки мисс Татум меня вызывает, и я помогаю ей, например, проследить, чтобы доставили заказ.

Я плохо ориентируюсь в замке, и, наверное, никогда не научусь, запоминая лишь нужные направления и пути. Замок имеет большую библиотеку с обучающим классом, спортзал с огромным помещением для чего-то, где валяется огромное количество матов и какие-то ящики-сундуки. В Саббате или Шабаше очень много комнат, некоторые закрыты на ключ, а еще есть подземелье, которое чистит немой Хью.

Из разговоров с Евой я узнала, что Хью в раннем детстве поразила какая-то болезнь, связанная с голосовыми связками, с тех пор он немой; а я-то при нашем знакомстве вообразила, как Реджина вырывает ему язык.

Мой день обычно заканчивается посиделками с Евой, либо у меня, либо у нее в комнате, либо в общей гостиной с Куртом и Кевином. Последнее превращалось в сплошное веселье, пока кто-нибудь не вспоминал, что завтра рано вставать.

Ева день ото дня становилась все мрачней. Хоть и не признавалась, но я видела, что она волнуется не за брата, который «сейчас развлекается в Сохо¹», а из-за Стефана и Рэя. И как бы я ни допытывалась, она не сознавалась. Лишь под конец недели мрачное настроение ее оставило – правда, после одного странного случая. Мы сидели в гостиной и спорили с Кевином, кто круче из мультика «Мой маленький пони», в то время как Ева молчала, с отсутствующим видом смотря телевизор. И вдруг она шумно втягивает воздух сквозь зубы, будто сдерживая крик, и с явным облегчением выдыхает. Клянусь, я видела слезы в ее глазах. Неожиданно на ее лице расцветает улыбка, и она вспоминает, где находится, замечая, что мы откровенно пялимся на нее. После этого ее словно подменили, будто не она всю эту неделю ходила мрачная, все больше замыкаясь в себе. А еще я заметила на левом запястье у Евы татуировку, как у Реджины и Кевина, которую она прятала под часами, рукавами и бижутерией – это были три тоненькие полосы браслетом вдоль складочек кисти, а в середине что-то похожее на солнце с лучами в виде вензелей. Она говорит, что такие татуировки у всех учеников из Саббата, что-то вроде их общей метки: «Это наша местная фишка».

- Мел, отдай пульт!
- Не-а.

---

¹ Сохо – торгово-развлекательный квартал в центральной части лондонского Вест-Энда

- Мелани!
- Не отдам.
- Пощади.
- Да что тебе не нравится?

В гостиной нас было трое: я, Курт и Кевин. Ева под каким-то предлогом ушла, оставив меня наедине с этими рыжими оболтусами, и у нас сейчас разворачивалась битва под названием «У кого пульт, тот и главный».

Пульт в данную минуту был у меня зажат под мышкой, и я смотрела на хохочущую с призраком большеголовую Терезу Капуто из телешоу "Медиум с Лонг-Айленда".

– Мелани! – Кевин дергался на диване от нетерпения, трагически ноя и хныча. – Ну, переключи.

- Да что ты имеешь против Терезы Капуто?
- Она убивает клетки моего мозга!

Я гадко хихикаю в ответ.

– Ну, всё, женщина, молись! – Кевин бросается ко мне. Я, взвизгнув, кидаюсь к выходу, снеся ногой миску с чипсами. – Курт, лови ее!

Курт, который все это время, улыбаясь, сносил мои передачи и нытьё Кевина, молнией устремляется ко мне. И начинается потасовка. Схватив за талию, Курт тащит меня обратно. Но я так просто сдаваться не собираюсь, и мое сопротивление быстро отбирает силы старшего. К нему тут же на помощь кидается Кевин. Я, хохоча, крепко сжимаю пульт, пытаюсь спрятать его под майку. Кевин, выкрикивая руководства брату, типа: «Держи крепче», «Она вырывается», «Удерживай за руки», срывая плохо завязанный бинт с моей руки, царапаясь и сильно цепляясь пальцами, пытается вырвать предмет драки. На долю секунды я теряю контроль над вещью, и пластмассовая коробка падает из рук, попадая на ногу Кевина и отлетая с треском к чьим-то ногам, попутно теряя батарейки и крышку.

Мы, замерев, следим за траекторией падения, и только когда пульт останавливается у мужских ботинок, мы поднимаем глаза на вошедшего.

Теперь мне понятно выражение «убивать взглядом». Темно-серые глаза, цвета грозовой тучи, смотрят на нас с ненавистью. Нет, даже с ужасом. И мы чувствуем себя преступниками. Я все еще нахожусь в объятиях Курта, когда Рэйнольд стремительно подходит и хватает меня за левую руку, судорожно срывая вязь болтающихся бинтов.

На всеобщее обозрение опять выставляется моя рана, которая за неделю уже порядочно зажила, оставив лишь в центре на венах островки из корочек запекшейся крови – это самые расчесанные места. И я вижу шок и замешательство Рэя. Это придает мне сил, чтобы вырвать руку.

Я разозлилась.

Нет, я взбешена.

- Что ты себе позволяешь? Что у тебя в башке творится?

Я практически рычу на него, наблюдая, как он удивленно смотрит на меня. В эту минуту Рэй беспомощен передо мной. Страхнув с плеч руки Курта, я, не отрывая взгляда, смотрю в глаза Оденкирка, обхожу его и удаляюсь быстрым шагом в комнату.

Там я позволяю себе громко хлопнуть дверью, после чего от ярости начинаю бить подушку, представляя, что каждый мой удар приходится в тело Рэйнольда. Так я теряю последние корочки от раны, и мое запястье становится снова чистым и белоснежным с голубыми жилками вен и розовой тонкой кожицей на месте расчеса.

Теперь знаю точно, Оденкирк невозможный сноб и гордец. Он все это время боялся, что я сделаю такую же татуировку, как у них; это означало бы, что стала своей.

Все-таки он ненавидит меня, считая падшей личностью, ничтожеством. И это дико больно. Только почему?

Следующие два дня мы словно играли в прятки. Рэйнольд за все время моего пребывания здесь столько не смотрел на меня, как за эти проклятые два дня. Чувствуя вину передо мной, он все время пытался улучшить момент извиниться наедине, что было весьма странно, потому что в прошлый раз он не прикидывался таким совестливым человеком. А я не давала ему ни единого шанса, прячась от него по всем известным мне подсобкам и помещениям или стараясь примкнуть к компании.

Хочешь извиняться – извиняйся при всех.

Стефан – второй ненавистный мне сноб, к слову, так и не появился, пропадая неизвестно где. А Ноя мы ждали со дня на день.

За ужином на третий день Рэйнольд назло пересел на место Ноя, оказавшись рядом со мной, что сильно раздражало и сбивало с мыслей. Ощущать его тело рядом с собой было подобно оголенному электрическим проводам – я не могла расслабиться. Даже Кевин, который гримасничал, пытаясь развеселить, не мог разрядить ситуацию. Все кружилось и сбивалось. Руки вдруг стали неловкими, постоянно задевая что-то и роняя, а моя кожа предательски желала ощутить его прикосновение, мой нос обонял многие запахи блюд и десертов, но именно аромат парфюма Оденкирка моментально выделялся среди всех и выводил его на первый план.

Сам же Рэй вел себя, как ни в чем не бывало, беседуя с Куртом о моторах и сцеплениях мотоциклов.

Хотелось взорваться и спросить, глядя в его красивые, но жестокие глаза: и где смысл? Зачем ты сел? Для чего? Чтобы нервировать?

К концу ужина я замечаю, как он постоянно бросает взгляды на мою кисть. И специально бухаю руку на стол ладонью вверх: на, смотри и подавись этим. Кевин видит этот жест и хихикает в кулак, потешаясь над недовольным Оденкирком, которого разоблачили.

К тому времени как на десерт подают клубничное желе, я чувствую себя победительницей.

По окончании трапезы мы поднимаемся в гостиную. На первом этаже, подходя к главной лестнице, я вижу, как Рэйнольд притормаживает, пропуская ребят вперед, явно дожидаясь меня. Наши взгляды встречаются – и во мне всё переворачивается вверх тормашками. И я, струсив, сворачиваю в сторону кухни. Я иду по коридору, ругаясь на саму себя, слыша, как служанка собирает в столовой тарелки. Сзади слышатся чьи-то шаги – скорее всего, прислуги. Но, обернувшись, я вижу Рэя, стремительно идущего следом.

– Подожди!

Услышав его голос, я бросаюсь наутек в коридор направо. Впереди маячит кухня и винтовая лестница на второй этаж. Вместо того чтобы побежать по лестнице, зачем-то сворачиваю в кухню к миссис Лонг, которая стоит спиной к входу и что-то бодро напевает под нос, никого и ничего не замечая.

Лихорадочно осмотрев кухню, я кидаюсь дальше к стеллажам с посудой, за которой нахожу железную дверь. И я вхожу в нее как раз в тот момент, когда Рэй спрашивает у миссис Лонг, не заглядывал ли сюда кто-нибудь.

Помещение напоминает подсобку. Здесь достаточно холодно, чтобы почувствовать, как я покрываюсь гусиной кожей. Комната набита морозильными камерами разной величины и столами. Посередине стоит железный стол вроде хирургического, не хватает только лампы и скальпелей. Все это не особо вызывает интерес, так как я думаю, что здесь просто кухарка хранит мясо, рыбу и прочее.

Уже готовая выходить из укрытия, я кидаю взгляд на холодильник у входа. На дверце прикреплен лист бумаги.

Срок хранения:

в холодильнике при температуре +4 градусов консервированная кровь хранится 21 день.

Кровь акулы – 1 шт. 11.06.

Кровь барана – 4 шт. 8.06

Кровь быка – 2 шт. 8.06

Кровь волка – 1 шт. 11.06

Кровь змеи – 3 шт. 4.06 варианты

Кровь кошки – 6 шт. 8.06

Кровь дикой кошки – 4 шт. 11.06 варианты

Кровь курицы – 6 шт. 8.06

Кровь лошади – 2 шт. 9.06

Кровь свиньи – 6 шт. 8.06

Кровь собаки – 6 шт. 8.06

Кровь Человека – 3 шт. 6.06

Кровь Химеры – 6 шт. 2.06

Открыв холодильник, я вижу пакеты с бурой жидкостью. Взяв первый наугад, читаю на нем: «Собака. Порода питбуль» и дата.

Что за черт? Какому вампиру принадлежит этот холодильник? Я оборачиваюсь и уже по-новому осматриваюсь. Замечаю, что на каждом холодильнике висит лист. Неужели они все заполнены кровью?

По спине начинают бегать мурашки от страха.

Соседний холодильник содержит органы животных – сердца свиной, копыта кабанов, лапки птиц и прочее. Мне уже становится жутко от мысли, что в горизонтальных холодильных камерах найду трупы, а стол посередине действительно хирургический, только служит, как в морге, для разделывания тел. В другом холодильнике я нахожу замороженную траву, много травы, расфасованную по пакетам.

В третьем – замороженных рептилий и насекомых.

Всё. С меня хватит. Я даже знать не хочу, что в остальных. Мне и этого достаточно, чтобы понять: всё это ненормально и отвратительно. Главные вопросы прожигают мой мозг: зачем это и кому надо?

Я медленно пыхчу к двери, ощущая волны страха и паники. Но, в тот момент, как я хочу открыть дверь, она сама открывается и на пороге появляется мисс Реджина.

***

Уже шестые сутки мы вместе со Стефаном и Варлаком преследуем двоих на заклятие.

Они нарушили главный закон всех инициированных, за который судят всех, как и Инквизиторов, так и Химер – закон *Immunitatem*. Закон свободы выбора.

Я клянусь, что не преступлю закон священности крови инициированного, что не трону его родителей, его родственников, его брата и сестру, не рожденных со знаком мага, ради личных целей и мести.

Ибо мой враг имеет одно лицо.

Ибо враг мой имеет только две руки.

Ибо мой враг имеет знак инициированного.

Я клянусь насильно не вести за собой своего брата или сестру во время инициации, а также не подталкивать к сделкам с Нечистой, пока не исполнится ему или ей шестнадцать лет.

Ибо мой выбор имеет одно лицо.

Ибо мой выбор имеет одну душу.

Ибо мой выбор делаю я сам.

Сенат выдал лицензию на убийство двух колдунов-Химер. Старший братец, алчный до денег и завистливый до силы, уговорил своего младшего брата, которому только исполнилось четырнадцать лет, продать душу одному из Демонов.

– И кому он продал пацана?

Я сижу в машине и поедаю пончики, купленные по дороге. Есть хочется невероятно.

– Барману². Кому же еще? Эти два сосунка только появились у Химер! Конечно, им силенок хватило лишь на Бармана.

– А старший? Сколько ему?

Стефан залпом пьет кока-колу, щурясь от солнца, глядя на дорогу и проезжающие машины. Мы находимся где-то на обочине пыльной дороги в Техасе, под палящим солнцем, наблюдаем за мотелем и ждем ночи.

---

² Барман – Последний (7-й) из семи демонов, перечисленных в трактате Э.Силби «Новая и полная иллюстрация оккультных наук», 18 в. Он готов вступить в союз с любым колдуном, ведьмой или магом, но при этом обычно овладевает душой того, с кем союзничает.

– Ему исполнилось шестнадцать три месяца назад.

– Придурок. – Стефан грязно выражается, а затем сплевывает через окно на землю.

Колдун, нарушивший закон, конечно, знал, что нельзя закладывать душу брата, которому еще и шестнадцати не было, и, конечно, знал о последствиях. Детей до шестнадцати нельзя трогать по ряду причин. Но главное – теряя душу, они становятся неуправляемыми, жестокими деспотами, которые не знают пощады ни для себя, ни для кого-то другого; бесконтрольные бесы, нелюди. Находиться рядом с таким – всё равно что запереться в комнате с психически нездоровым маньяком, у которого будет целый арсенал ножей и 1001 фантазия, как расчленишь тебя. Когда происходит такое, сами Химеры выдают своих же на суд Сената, ибо проблемы им не нужны.

Вот и на этот раз виновников сдали, как только обнаружили, но те успели убежать.

Варлак, сорокалетний матерый Инквизитор, имеет дар поисковика, на его счету куча Химер – он «слышит» нужного человека и идет на его зов. Даже заклятие ведьминога огня не нужно.

Говорит, что сами Архивариусы звали его в Сенат, но он еще не готов к такому, да и вряд ли будет когда-нибудь.

– Пацаны в этот раз талантливые попались. Даже жалко. – Варлак сидит на заднем сидении и ковыряется зубочисткой в зубах. – Прикольно они тебя шуганули, Рэй. Давно так не смеялся.

Варлак ржет в голос вместе с хихикающим Стефаном. Мне не смешно, так как младший колдун, увеличивший свою силу за счет демона, использовал ее против меня; на стройке меня скрутили железные прутья, поймав в свой клубок, и притом в очень неудобной позе. Я проторчал там сутки, пока меня нашли Варлак и Стефан, а затем еще и вынимали оттуда. День был бездарно потерян, а Химеры успели скрыться.

Сейчас я приходил в себя, сидя в машине, предоставив всю работу по поиску преступников Варлаку и Стефану:

– А мне их не жалко. К таланту должны еще мозги прилагаться.

– Это ты прав. У этих в голове, похоже, совсем пустота. Уж лучше бы мозги попросили у Демона вместо силы. – Он снова ржет, почесывая пятку.

Варлак без обуви. Он снял ботинки, едва мы припарковались, обдав салон вонью потных ног, будто у нас в машине сдох кто-то. Но через пару минут мы уже сами присоединились к нему, скинув свои ботинки и почувствовав прохладу и свободу.

– Что у тебя там, в жизни, Стефан? Ты все еще сохнешь по своей Еве, Адам?

– Иди в задницу, Варлак, – грубо посылает Стефан, отворачиваясь.

А я бессовестно закладываю друга:

– Сохнет, еще как сохнет! Ревнует постоянно. Перед отъездом даже успели поцапаться.

Я тут же вспоминаю, какую он устроил мне взбучку за то, что я без него поехал за Евой и Чудовищем. Он тоже, оказывается, планировал проследить за ними. А потом и Еве досталось – за легкомыслие и дружбу с опасными тварями.

– А нечего водиться с кем попало.

Стефан кидает взгляд, в котором читается: «Сам знаешь, о ком я». Я молча киваю: «Вот именно».

На мгновение я вспоминаю, как Чудовище было напугано незнакомцем в кафе, вызывая желание защитить ее. Бедный тот парень: да я его спасал, а не ее! Хотя, конечно, первым порывом было броситься на помощь такой нежной и беззащитной с виду девушке.

– Ревнуешь?

Я вздрогнул, хотя Варлак обратился к Стефу.

– Да пускай тусит, с кем хочет! Если ей жизнь не дорога, я-то тут причем?

– Ревнуешь, – довольно протягивает Варлак, посмеиваясь над недовольным парнем. – А ты, Рэй? Че у тебя в жизни творится?

– Ничего. Все так же.

А сам мыслями уношусь в Саббат. У Химеры вот-вот проявится Знак, надеюсь, там ей не дают спуска, следят за ней, держа в ежовых рукавицах. Мысль о том, что чудовище разгуливает по школе и представляет угрозу, невыносима. Ведь оно может истребить всех, если осознает свою силу и кто оно. Хотя, там Курт и Кевин с их даром, пускай еще не развитым, но сильным. Да и Реджина умеет мысли читать: наверняка она все держит под контролем и не упустит Химеру. Опыт Инквизитора, главы школы, велик, и с этим надо считаться. Так просто Светочами не становятся.

Варясь в собственных мыслях и тревоге, мы дождались сумерек. Потом растолкали заснувшего Варлака (его завидное умение оглушительно храпеть можно было приравнять к дару) и стали готовиться к наступлению.

– Может, выкурим их из мотеля?

– Вот еще! Английские мальчики забыли, где находятся? Это Техас, детки! Здесь рулят ковбой. А они идут напролом. – Варлак раздает нам ритуальные ножи, похожие на охотничьи, и пистолеты Ruger SR9, силковые фонари, соль в пластмассовых цилиндрических контейнерах. В кузове ожидает своего часа канистра с бензином. – Ну, что, почесали?

Мы направляемся к нужному домику, слушая, как скрипит песок под ботинками и стрекочут цикады. Подойдя к дому, я сыплю соль под каждым окном, стараясь не засветиться своей головой, и вижу мельком, что пацаны смотрят телевизор, валяясь на кровати. По звукам передачи понимаю, что это старое доброе шоу Бенни Хилла.

Возвращаясь, так же пригнувшись, мы приготавливаемся к наступлению – достаём силковые фонари и оружие. Варлак читает заклинание и щелкает пальцами – замок сам открывается, и мы врываемся в комнату. Химеры вскакивают с кровати и пытаются рвануть через окно, но моя соль не дает им этого сделать.

– Свет! Выключи свет! – орет Варлак Стефу, который стоит у выключателя.

Но тот не успевает нажать на кнопку. По номеру проносится ужасный звук от разрывающихся стен и дробот вылетающих гвоздей, в мгновение ока все провода змеями вырываются со снопами искр и нападают на нас.

Варлака ударяет током, и я чувствую, как его пронзает заряд – он отлетает к стене. Но я ничего не могу сделать, потому что сам борюсь в этот момент: у меня из рук вышибает пистолет с силковым фонарем, и я еле успеваю увернуться от нападающего провода, чтобы не получить свою дозу электричества. Стефана один из проводов заматывает по рукам и ногам и валит на пол, не давая выключить свет.

– Стеф! Выруби их! – ору я другу, чтобы он сконцентрировался и не дал сбежать Химерам.

Я вижу, как его взгляд фиксируется на братьях и зрачок расширяется. И вот самый младший колдун – еще мальчишка, но уже зверь, – падает без сознания, провода безжизненно падают на пол, и мы на свободе. Старший хватает пистолет Варлака, переступает тело брата и выбегает через дверь на улицу. Мы начинаем выпутываться, хватая с пола фонари и пистолеты.

– Варлак? – Стефан напуган.

Я сканирую тело напарника.

– Цел. Просто без сознания.

И мы кидаемся в погоню. Колдун, перебежав дорогу, кидается в пустыню, где есть выгодная для нас тьма. Я бегу чуть впереди Стефа, пытаюсь поймать светом фигуру удирающего.

– Стой! Именем Инквизиции!

Я чувствую, как мои легкие горят от бешеного темпа. Я не понимаю, почему луч силкового фонаря его не захватывает, а светит, как обычный фонарь.

– Рэй! У него блокировка! – орет сзади Стеф.

И я понимаю все в ту же секунду. Демон усилил его дар, так что он стал неуязвим для чужой магии. Но пока мы, как оголтелые, несемся вглубь пустыни, Химера, не особо целясь, делает пару выстрелов назад. И я с ужасом чувствую боль, пронзившую Стефа. Эта тварь его ранила!

Не задумываясь, делаю пару выстрелов в ответ и чувствую, как задеваю пулей ногу Химеры. Он падает с криком, держась за коленную чашечку – его боль невыносима.

Колдун все еще пытается сделать пару выстрелов, попутно произнося заклятия. Но не успевает, так как я, подойдя, простреливаю знак инициации у него на руке. Всё, блокировка снята.

Чувствую, как сзади ко мне идет Стефан: он ранен в плечо, но его боль ничто по сравнению с ноющим парнем у наших ног. Мне даже жалко его.

Я перехожу к заключительной части: свечу на него силковым фонарем, из которого он не сможет уползти, так как парализует инициированных, затем зачитываю приговор.

– Именем Инквизиции, властью данной Верховным судом всех инициированных – Сенатом, ты, Джеффри Грэй, обвиняешься в нарушении первого закона из трех, закона Immunitatem, за подстрекательство своего несовершеннолетнего брата к продаже души демону и в помощи по ее продаже. Поэтому ты проговариваешься к закланию и сожжению.

Я слышу, как Химера кричит и проклинает нас. Это так все знакомо. Подошедший Стефан отключает его своей магией, после чего я возвращаюсь за Варлаком и младшим, оставив Стефа на страже. Мы подъезжаем к старшему брату, все еще находящемуся без сознания, рядом с ним кладем его младшего. Рожденные от одной матери смертными, они уходят вместе бездушными Химерами. Они лежат на земле в лучах силковых фонарей, похожие на обычных спящих людей, младшая Химера так вообще мальчишка.

– Глупцы. Так бездарно просрали свою жизнь и души! – озвучивает мою мысль Варлак. – Ну что, начнем?

– Мы младшему приговор не зачитывали. – Стеф прижимает руку к ране, морщась от боли. Я, как эмпат, отлично чувствую все, что с ним происходит, главное только не заикливаться на этом.

– Будет с них. Все равно не поймет.

Мы рисуем ножами знаки ворот прямо на земле. После чего Варлак поливает Химер бензином. Спичка, и они вспыхивают зеленым огнем с шипением. Они горят, как бумага, а не как люди. Считанные секунды, и вот загораются знаки ворот, оповещая, что Химеры ушли вместе со своим даром в небытие, в землю, в природу. От них не осталось даже костей, лишь запах серы и серый пепел.

– Я так и не понял, какой дар был у старшего? Если младший проводами управлял, как в цирке. – Варлак задумчиво смотрит на следы на земле.

– Не током. Младший управлял захватом, старший – блокировкой.

– Ааа! – басом тянет Варлак: он наконец-то понял принцип полярности братьев. – Ладно, ребят. Наше дело сделано, остальное оставляем Сенату и Суду Божьему. Ты как, Стефан?

Я оборачиваюсь и вижу, насколько бледен напарник, хоть все еще храбрится и держится. Нужно срочно везти его в больницу.

Мечущийся

Мышление каждого человека – это каждый раз разная субстанция. У кого-то идут образы, у кого-то запахи и воспоминания, у кого-то хаос или цвет. Каждый человек индивидуален. Я слышала мысли разных людей, и всегда всё по-новому. Артур, как морозильная камера, которая иногда погромыживает эмоциями, но ход мысли всегда четкий, холодный и свежий, резкий. Я люблю иногда окунаюсь в мысли брата, это как принять свежий душ из ледяной воды. Если слушать Еву, то она, как улица, где куча разных людей и все идут по делам. Стефан, в котором, несмотря на немецкую кровь, слишком много итальянского, похож на автогонку; его мысли вечно несутся на огромных скоростях, сталкиваясь и разбиваясь на эмоциях, особенно, когда дело касается Евы. Это все у него от матери, не иначе. Ной, мой милый мальчик Ной! Он схож с Артуром, но, в отличие от брата, Ной больше похож на зиму в Саббате: вроде бы все здесь, и холодно, и все при делах. Кевин и Курт, правильно их Мелани обозвала оболтусами, слишком просты, милы и еще в чем-то наивны. В особенности Кевин. Младший Ганн – это ходячая телевизионная программа для девочек, ему нравится женский пол, а женскому полу нравится он, и эта круговерть постоянно предопределяет его мысли. Курт похож на брата, но в нем слишком много похоти. Если Кевин развлекательная программа, то у Курта иногда мысли переходят на эротический канал. В такие минуты я «отсоединяюсь» от него, слишком откровенно. Слишком лично. Хотя, Курт иногда переключается и становится похож на аналитическую машину, пропускающую каждую мысль через себя. Это мне в нем больше всего нравится. Всем бы так мыслить, как он. Рэйнольд... В нем слишком сильны инстинкты, поэтому Сенат его часто выдергивает на поиск Химер. Своим мышлением он напоминает волка, иногда он сам не понимает, что с ним творится, поэтому и мечется, когда себя загоняет в ловушку.

И Мелани... Моя новая незнакомая девочка. Мне она понравилась сразу же. Мысли ее, как тихая речка, возле которой приятно посидеть и послушать журчание. Она прозрачна, ничего скрывает, не утаивает, не мстительна, не опасна, даже когда злится. Чем больше смотрю на Мелани, тем больше удивляюсь, как такое существо могло быть Химерой, притом их главным оружием. Я рада, что в ней заснула магия и сейчас она просто милая и добросовестная девочка.

За ужином все мирно сидят, едят, шутят, разговаривают. Мой дар уже работает самостоятельно, без усилий, где-то на заднем плане моего сознания. Я научилась его контролировать, в полной мере овладев им и усилив. Иногда, за ужином, я ловлю смешанные мысли с эмоциями. Я не эмпат, просто чтец, но люди часто добавляют в безликую мысль толику чувств и эмоций. Они выпархивают из моих учеников, как радужные бабочки; я слышу примерный смысл, но не акцентируюсь. Моя задача как Светоча – направлять, обучать и защищать учеников Саббат, поэтому я больше внимания стараюсь уделять Мелани, чтобы заранее предугадать и пресечь угрозу. Но девушка сейчас безобидна. Я бы даже сказала: скорее, мои ученики представляют угрозу для неё, чем она для них. То Стефан с желанием ей насолить, например, как в первый день, то Рэй, который все больше путается в себе по отношению к ней. Я слышу отчетливо со стороны Мел: «На, смотри и подавись», после чего она показательно кладет руку перед Рэйем, показывая свое пустое запястье, и его смущенное: «Твою мать! Засекла». Они меня забавляют. Выходя из-за стола, я слышу среди шума, как Рэй решается на очередную попытку поговорить с Мелани и извиниться.

Неинтересно. Потому что мои мысли заняты планами на завтрашний день, и ещё я предвкушаю, как сейчас пойду к себе, наберу ванну, лягу в нее и продолжу читать роман.

Я почти дошла до своей комнаты, и тут меня накрывает волна чужого страха: «Какому вампиру принадлежит этот холодильник?». Это голос Мел. Я прислушиваюсь и осознаю, что она добралась до подсобки. Нет, нельзя! Как допустили, что она нашла ее?

Я разворачиваюсь и устремляюсь на кухню, мимо меня проходит Оденкирк со своим: «Куда она делась? Наверное, по лестнице ушла к себе в комнату».

И понимаю, кто виновник произошедшего. Остолоп!

Мне понадобилась пара минут, чтобы дойти до подсобки, слыша испуганные мысли Мел, открывающей холодильник за холодильником. Деточка, только не трогай морозильные установки!

Я открываю дверь в тот момент, когда она в испуге хочет уйти из подсобки.

– Мелани?

Слышу испуганные мысли о том, что я, наверное, сатанистка, вампир и прочее. Спокойно, Реджина.

– Мисс Реджина?

– Что ты тут делаешь?

– Я... – Она мнется у входа, а я слышу, как образы пляшут в ее голове – речка стала шумнее и хаотичнее. В них читается, как она убегала от Рэя, как спряталась здесь, при этом она пытается придумать варианты лжи. – Я ошиблась дверью. Спустилась попить и заплутала.

Я прямо слышу, как она практически произносит: «Молодец, самая дурацкая отмазка».

Верный способ обмануть – это указать на правду.

– Ну, и как тебе? Ты уже видела нашу коллекцию?

Замешательство серым туманом обрывочных слов проносится над ее речкой.

– Да.

– Наверное, ты думаешь, что здесь чокнутые живут. – Я хохочу, будто сказала смешную шутку, подходя к холодильнику с кровью и осматриваю его содержимое. – Наверное, так выглядел бы холодильник графа Дракулы, если он жил бы в 21 веке. Гадость какая!

Я захопываю холодильник с омерзением и поворачиваюсь к ней.

– Ну? Спроси меня.

– Что?

– То, что спросил бы любой нормальный человек! Зачем это вам, мисс Реджина?

Сама деловито прохожу к холодильнику с травами и достаю оттуда замороженные бутоны роз и мяту. Делаю вид, будто я одна, будто и нет напуганной девушки, стоящей у входа.

– Зачем это вам, мисс Реджина?

– Для опытов. – Я кидаю пакеты на стол посередине комнаты, наблюдая, как от удара замерзшие растения крошатся и ломаются. После чего поворачиваюсь и беру миску со стола с посудой. – Точнее, для Ноя и Рэя.

Она молча наблюдает за мной, по крайней мере, ее паника улеглась. Это хорошо, это означает, что Артура можно не подключать.

– А зачем им кровь и замороженные рептилии?

– Они учатся на медицинском. Будут оба врачами. Все это для них. Точнее, больше для Ноя. Он просто помешан на генетике, хочет стать естествоиспытателем. Не спрашивай меня, что он делает с этой кровью, но его преподаватели постоянно с ним проводят какие-то опыты. Наверное, ищут ген вечной молодости. – Я снова смеюсь, одновременно раздирая и складывая в мисочку липкие, мокрые листья мяты с розой. После чего убираю пакеты с травой обратно в холодильник. Я беру миску и смотрю в глаза нахмурившейся Мел, которая в данный момент приходит к каким-то выводам. – В принципе, я не против опытов, если найдут ген молодости. Тогда мне не нужно будет тратить кучу денег на спа-салоны, косметику и делать маски.

Я потряхиваю миской с травой, намекая, что это зелено-бордовая биомасса станет моей маской для лица, хотя, на самом деле, это пушу плавать к себе в ванну. Люблю принимать ее с разными настойками, маслами и травами.

– А мне Ева сказала, что все здесь учатся на экономистов.

– Не все. Ной и Рэй получают мед. образование. – Я смотрю на нее и слышу, как опять спокойно потекла ее речка мыслей. Все-таки я отличная актриса. Надо было попробовать себя в кинематографе. Жаль. Время упущено. – Ладно, пойдем отсюда. Ты, кажется, пить хотела?

Мел соглашается и безропотно выходит на кухню к миссис Лонг, которая наблюдает за нами. Кухарка напугана тем, что упустила Мелани и та нашла подсобку.

– Миссис Лонг, напоите эту девушку. А ты, Мел, лучше сюда не заходи, здесь полно всякой гадости, от которой могут сниться страшные сны. Если что и нужно будет тебе – третий холодильник, там много всяких замороженных растений, которые можно использовать для масок. Он мой, милости прошу.

А сама слышу, что ей не нужно это, она "обычной-то косметикой не научилась пользоваться". Я смотрю, как она пьет воду, вовсе не желая пить. После чего, пожелав спокойной ночи, уходит.

Я разворачиваюсь к пухлой и перепуганной миссис Лонг, от которой веет страхом передо мной. Ее волосы собраны в небрежный пучок, который хочется переделать, потому что он портит идеальную картину аккуратности кухарки.

– А теперь объясните мне, миссис Лонг, как вышло, что та, которой запрещено видеть подсобку, оказалась в ней? Ведь мы только на прошлой неделе говорили об этом.

– Простите меня, мисс Реджина, моя вина, отвлеклась. Девчонка так быстро и незаметно прошла!

Ну-ну. Я не вижу смысла прессовать кухарку. Тут виновата не только она.

– Скажи завтра мисс Татум, чтобы она позаботилась о замке на подсобку, и чтобы больше такое не повторялось.

Я в гневе. Готовлюсь устроить головомойку еще одному человеку.

– Ева, в мой кабинет.

Я произношу это в кухне, зная, что Ева сейчас сидит в гостиной на третьем этаже и думает о раненом Стефане. Ученики всегда слышат приказ Светоча, где бы они ни находились. Сама я иду, громко отстукивая каблуками, слушая, как Саббат вторит эхом моим шагам. Вместо того чтобы нежиться в ванне с романом об очередной сказочной любви, я разруливаю чужие ошибки.

У кабинета меня ждет Ева. Молча пригласив ее, я прохожу за свой стол и сажусь в кресло, устремив на ученицу взгляд. Девушка стоит, как солдат, готовый получить приказ.

– Ева, теперь еще внимательней следи за новенькой. Она только что видела нашу подсобку. Не хватало, чтобы она продолжила лазить по местам, куда ей не следует соваться. Понятно?

– Да, мисс Реджина.

– Следи за ее запястьем.

– Мой дар, мисс Реджина, он не настолько силен, вы сами знаете, любая случайность – и я не успею ничего предугадать...

– А ты попробуй. Я знаю, что твой дар не силен. Я всё допускаю. На данный момент, мне нужен помощник. Я не могу, как видишь, за всем уследить. Поэтому, прошу тебя постараться держать в поле зрения новенькую, не спускать с нее третьего глаза. Понятно?

Я говорю раздражительно с напором, хотя это и необязательно. Ева итак все делает добросовестно, я ее знаю.

– Понятно, мисс Реджина.

– Иди. – Я ее отпускаю, а сама зову Рэя: – Рэйнольд Оденкирк, в мой кабинет. Живо!

Я еле справляюсь с гневом на него. Через пару минут я вижу красивого, атлетично сложенного парня. Наверное, самый красивый ученик в моей школе, если не считать Стефана. Хотя, если выбирать между ними по красоте и натуре, я не знаю, кому бы отдала предпочтение. Рэйнольд спокойный, интеллигентный, элегантный в поведении и одежде, знает, как лучше себя преподнести, в то время, как Стефан, горячий парень, накачанный, чуть ниже Рэя, по натуре задиристый и напористый.

Рэйнольд сурово смотрит на меня. Я слышу молчаливое ожидание в его голове.

– Рэйнольд, что было неясного во фразе: «Хватит доставать девочку»? Какое слово ты не понял?

Он молчит, а у внутри головы мечутся мысли, главная из которых: «Я ей ничего не сделал. Почему я здесь?». И я взрываюсь, изливая свой гнев на него.

– Хватит перегибать палку! Остановись. Определись уже, наконец, с тем, что ты чувствуешь к ней! То ты являешься с предложением забрать Химеру из больницы и переиграть ее амнезию в нашу пользу. Ведь знаешь, что если Сенат узнает, нас по головке за это не погладят! Я согласилась на эту авантюру ради тебя, Рэй, в память о твоей сестре. А что потом? Как только она появляется здесь, вы со Стефаном устраиваете травлю! Сам же знаешь, что это делает только хуже! Она вас боится, как чумных! Ты видел ее кисть? Видел?

Я подхожу вплотную к нему, глядя в его темно-серые глаза. Рэйнольду не надо говорить, я слышу: «Да, видел», и перед его глазами встает картинка с тонким запястьем Мелани, которую он держит в своей руке.

– Что я тебя просила сделать потом?

– Извиниться.

– Ты это сделал?

– Нет.

– Почему?

– Она убежала от меня и пряталась.

– А зачем тебе нужно было это делать наедине?

И снова хаос эмоций и мыслей – мечущийся волк, вот кто он. В некоторых мыслях, если их можно назвать мыслями, я слышу некий интерес к девушке. Она ему нравится как мужчине, но он сам отвергает это, не доводя мысль до конца. Он рубит ее на подлете словом «чудовище», которое постоянно воскресает в нем вместе с образом Мелани. Кажется, сам парень не понимает до конца, как он хочет относиться к ней.

– Если девушка не хочет быть с тобой наедине, значит, не надо за ней гоняться, как на охоте. Ты знаешь, где я ее застала?

Он замер, заглянув в мои глаза, но не нашел ответа.

– Она пряталась от тебя в подсобке. Нашла пакеты с кровью и рептилиями. Пришлось наврать с три короба про тебя и Ноя. Ах, да, ты теперь учишься на врача. Поздравляю!

Поддерживай эту легенду.

Я устало бухаюсь в кресло и достаю мундштук, нервно запихивая туда сигарету. Щелчок зажигалки – и блаженство в виде горького дыма с никотином успокаивает меня и мои взвинченные нервы.

– Остепенись, Рэй, иначе ты все сам испортишь. Она обычная девушка. А своими метаниями ты только приближаешь к нам Химеру, а нам нужен Инквизитор. Не забывай об этом. У нас есть еще шанс исправить её. Пока в ней дремлет магия, мы все еще можем повлиять на ее выбор. В следующий раз, когда захочешь сделать что-то против нее, подумай восемь раз, по

количеству Инквизиторов в этом здании. Или уж сразу в подземелья, делать аутодафе³. – На последнем слове, в подтверждение сказанного, я швыряю ему свою зажигалку через стол, и он ловит ее четким движением. – Всё. Свободен.

Мне не хочется даже смотреть на него, достаточно слышать его мысли, в которых он смущен, раздосадован, обозлен на себя. Я слышу, как закрывается дверь за ним и как он бесится на себя, что «черт его за язык дернул тогда предложить эту авантюру». Но уже поздно злиться на себя или кого-то. Мы все влезли в это дело по самое не балуйся; из которого либо пан, либо пропал.

Надеюсь, что пан, пропадать в мои планы не входит.

---

³ Аутодафе – церемония сожжения в Средние века в Испании и Португалии с оглашением приговора инквизиции.

Поиск себя

Я все еще в поиске себя. Неделя прошла после моей странной находки в Шабаше. Хотя я не сразу поверила мисс Реджине, но всё-таки проглотила ее объяснение: оно было самым нормальным из тех, что посещали мою голову. В конце концов, почему я не должна верить мисс Реджине, которая приютила меня у себя, дала столько, что вся больница не дала за весь год?

Действительно, здесь какой-то шабаш, со своими ведьмами и колдунами. Ведь, кажется, так мне обещала мисс Реджина в самый первый день? Все тут со своими причудами и занятиями. А кто сейчас нормальный в этом мире? Зато мой самый главный колдун успокоился и прекратил преследовать. Он делал вид, что я просто дополнение к их компании, иногда поглядывая в мою сторону.

Приехал Ной. Теперь, когда я узнала о его пристрастии к генетике, этот блондин вызывал у меня смешанные чувства: он был самый тихий, вечно занятой, погруженный в мысли. Доктор Франкенштейн – так я его называла про себя, хотя внутренне посмеивалась, представляя его в халате. В конце концов, это здорово – иметь хобби и цель. Любовь Ноя к медицине послужила примером и подтолкнула к дальнейшему раскрытию себя.

А вот представить Оденкирка в медицинском халате не могла. Слишком уж несуразное сочетание: белый халат, больница – и Рэйнольд.

Так или иначе, я теперь задалась целью найти себе хобби.

Затем появился Стефан, грозный и непреклонный, и с травмой плеча. Не знаю, где он повредил его и как, да мне и не интересно. Хватало его убийственных взглядов, по которым ясно читалось, что он не выносит моего присутствия. Ева же, наоборот, расцвела, хоть и не показывала вида, что рада возвращению Стефа. Она вела себя так же. Только я замечала, что, предлагая чай, подруга всегда обводила присутствующих взглядом и лишь в конце смотрела на него чуть дольше, чем на остальных. Или приберегала подушку в гостиной, чтобы, когда приходил Стеф, молча предложить ему.

Так прошла еще неделя. Все ученики школы Саббат были в сборе, и я даже подстроилась под их ритм.

У меня тоже начались занятия. Мисс Реджина предложила некоего мистера Уолша, милого седовласого старичка, который много лет трудился в должности завуча в школе Блэк-бёрна. Он учит меня писать и бегло читать, рассказывает всё понемножку. Моя память что-то вытаскивает из закровов в плане знаний, но никак не хочет раскрывать мое прошлое. Все так же пусто.

Именно благодаря мистеру Уолшу, я начала подыскивать себе хобби. Мои попытки нарисовать что-то не увенчались успехом, хотя, если верить мисс Реджине, я училась когда-то на дизайнера-оформителя. Сейчас я так и не смогла подчинить себе длинный тонкий предмет под названием карандаш, даже просто нарисовать прямую линию.

В итоге – сломанное древко с грифелем и разочарование в себе. Под конец второй недели я случайно узнала от мисс Татум об оранжерее в Саббате. Оказывается, немой мажордом Хью в свободное время выращивает там восхитительные орхидеи. И я пропадаю, снова испытывая то будоражащее чувство, как когда-то с Евой в магазине, когда увидела лаки для ногтей. Цветы потрясающие. Я чувствую жизнь в этих растениях, мне нравится трогать их лепестки, вдыхать аромат, смотреть, как со знанием дела Хью занимается ими, как бережно пересаживает, поливает, настраивает освещение.

В итоге, с разрешения мисс Реджины, я начинаю заниматься растениями под руководством Хью. Мы странно общаемся – говорим знаками, тыча пальцами в предметы или в книж-

ные иллюстрации. Хью показывает, я повторяю. Это занятие меня поглощает целиком, теперь в моем расписании всегда выискивается пара часов для оранжереи, иногда взамен обеда.

Так проходят дни, и я осознаю, что уже месяц, как нахожусь в Саббате, вот уже месяц моей новой жизни, со своими маленькими победами и достижениями.

– А она все копается и копается в земле! Тебе свой маникюр не жалко?

Голос Кевина разносится во влажном воздухе оранжереи. Смеется надо мной.

– Не жалко. Я в перчатках.

Я кладу луковицу в горшок и засыпаю ее.

– Что здесь прорастет?

Он любопытно заглядывает в горшок через мое плечо, будто земля ему сейчас сама скажет. Запах его парфюма с сандалом легко окутывает меня.

– Черный тюльпан.

Кевин кидает на меня пронзительный взгляд ореховых глаз, и мне становится неуютно. Сейчас в оранжерее только мы одни, так как Хью где-то в замке занимается делами, он в оранжерею приходит ближе к вечеру.

– Тюльпан, говоришь? А тебе известно значение этого цветка?

Голос у него голос бархатный и тихий, вкрадчивый, отчего становится еще неуютней. Нервно. Мурашки бегут по телу вдоль поясничного столба, а дышать становится труднее.

– Нет.

– Тюльпаны считаются символом любви. А черный тюльпан – это любовь до гроба.

Кевин придвигается ко мне ближе и смотрит на меня сверху вниз, и я оказываюсь зажатой между ним и столом. Мое сердце стучит громко, чуть ли не в голове, во рту пересыхает.

– Ух! А я думала, что сажаю просто цветочек.

Смеюсь, а сама не знаю, куда деть глаза. От Кевина приятно пахнет, его горячее дыхание опалает мое лицо. Он медленно придвигается и нежно целует в губы.

Приятно. Необычно. Рядом с ним я чувствую себя хрупкой. Его руки ложатся мне на плечи, придвигают ближе к себе. Его вкус похож на мед: тягучий, томный, сладкий. Мне нравится.

Кевин прекращает поцелуй так же, как начал, медленно отодвинувшись и глядя на меня. Я вижу саркастическую улыбку на губах, глаза выражают удовольствие и интерес. А я пылаю от смущения.

Глупо смеюсь и снова прячу глаза. Не скажу, что поцелуй был неожиданным, наши заигрывания с начала моего появления здесь давно вели к этому. А уж сколько вечеров я потратила, думая о нем и о себе! Правда, факт, что Кевин тот еще бабник, расстраивал: ведь я могу оказаться среди тех, кого он завоевал и бросил, потеряв интерес к побежденному. Влюблена ли я в него? Не знаю. Наверное, да. Кевин мне дорог своей добротой. И он интересен мне.

– Может, сходим куда-нибудь?

– Тебя проводить до гостиной?

Он смеется и отпускает меня. Я чувствую облегчение от свободы, правда, ненадолго, потому что прислоняется к столу вплотную ко мне – плечом к моему плечу.

– Нет. У одного нашего знакомого день рождения, и он устраивает завтра вечеринку. Все идут, и я решил позвать тебя с собой.

Ого! Кажется, Кевин хочет завязать со мной отношения. Если честно, это пугает. Не могу объяснить почему, но мне хочется быть его девушкой, и в тоже время не хочется, чтобы остальные знали об этом. Особенно Рэйнольд – странный субъект моей новой жизни. Я вообще не понимаю, как могу думать о нем, считать красивым и интересным, когда меня сначала открыто ненавидят, потом презирают, затем носятся за мной, пытаюсь поймать где-нибудь одну, а затем

ведут себя так, будто меня не существует? Мне кажется, я до сих пор слышу его: «Я бы хотел извиниться перед тобой, давай выйдем». Я тогда отказалась, сказав, что не выйду. А он так и не догадался попросить прощения перед всеми. Гордец и сноб! А еще существует Стефан, который и вовсе будет лютовать, узнав, что Кевин связался со мной – я же не соответствую уровню, я всего лишь какая-то шавка с амнезией, подобранная в больнице.

– Ну, не знаю... Туда все пойдут?

– Нет, не все. – И моя душа вспархивает птицей, чтобы тут же быть убитой на взлете. – Ноя не будет. Он ненавидит такое.

– Нет, Кевин, вряд ли я пойду. Спасибо, конечно.

– Можно поинтересоваться, почему?

Его голос звучит напряженно – кажется, парень не привык к отказам.

– Врачи не советуют посещать мероприятия с громкой музыкой. Сам понимаешь, травма головы, амнезия – дело нешуточное.

На самом деле я не хочу просто видеть осуждающие, ненавидящие взгляды Стефа и Рэя, когда Кевин будет класть руку мне на талию или целовать под громкую дребезжащую музыку, будучи в подпитии. Ведь так проходят вечеринки?

– Понятно, – коротко отвечает Кевин, отталкиваясь от стола, и я уже не чувствую его плечо рядом, только холод.

– Не обижайся. Ладно? – Я хватаю его за руку, чтобы заглянуть в глаза. Этого достаточно, чтобы увидеть, как на лице парня расцветает улыбка. Кевин теплый, как нагретое дерево под солнцем, прислони щеку и почувствуй, как греет, а еще его поцелуй, будто мед – тоже теплые и тягучие.

– Ну что ты, конечно, нет! Ладно, пойду я. Скоро мой преподаватель придет.

Он улыбается мне и легонько щелкает по носу. А потом исчезает.

Я улыбаюсь ему вслепую. Я долго еще улыбаюсь, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами. У меня только что был первый поцелуй. Наверняка они были и в прошлом, но в этой жизни он первый.

***

– Она нормальная, Рэй. Классная девчонка, с причудами, конечно... – Заметив мой взгляд при слове «причуды», Кевин начинает оправдываться: – Ну, а как еще назвать любовь к Терезе Капуто? Ужасное теле-шоу! Медиум веселится с призраками во время сеанса. Обалдеть просто! Теперь я знаю одного зрителя, который смотрит его. Стопудово, ради Мелани и снимается.

– А я смотрю, ты завис на ней?

Мне не нравится флирт Кевина и его внимание к чудовищу. Это как-то неправильно. Низко. Если чудовище вспомнит, кто оно, то нам придется его убить. Неужели Кевин не понимает, что ему придется сжигать ту, с кем он флиртовал неделями напролет?

– Я ее пригласил на день рождения к Мике.

Это не тот ответ, который я ожидал услышать от него. Дело принимает серьезный оборот. Кажется, Кевин серьезно влюбился.

– Кевин, ты в своем уме?

– Что?

– Она же Химера, мы даже не знаем, что у нее за дар, не совершала ли она сделок с нечистой, почему Химеры так оберегали ее! Она чудовище, монстр. В любую минуту она может вспомнить всё. И что ты будешь делать тогда? Пойдешь за бутылкой керосина, а потом на день рождения к Мике?

Я беспомощно откидываюсь на маты, закрывая лицо руками. Уж и не знаю, как донести до него! Мы находимся в спортзале, где только что проходила тренировка, где тренер Аарон гонял нас безо всякой пощады. Сейчас в зале были только мы с Кевином.

– Ты меня слушаешь, но не хочешь слышать!

– Это ты не хочешь слышать! Ты сам видел ее запястье. Сейчас она простая смертная, обычная красивая девушка. Она не опасна. Сидит себе в оранжерее, цветочки сажает. Это вы со Стефом будто с цепи сорвались.

Я слышу голос Реджины: «Пока в ней дремлет магия, мы все еще можем повлиять на ее выбор».

Все эти дни напролет я наблюдал за ней, пытаюсь отыскать подвох, странности в чудовище, но ничего такого не находилось. Зато я замечал, каким движением она поправляет волосы, что, когда задумывается, щелкает ногтем безымянного пальца, будто вычищает грязь с помощью большого пальца. Эта привычка немного раздражает, так и хочется прекратить этот мерный щелкающий звук, взяв ее за руку. А еще у нее тонкая кожа, поэтому постоянно на ней синяки из-за своей же неловкости. Пару раз видел, как она ударялась коленкой или пальцами ног о диван, задевала плечом углы, будто порой теряла себя в пространстве.

Я выжидаю, в отличие от других. Кто-то должен быть начеку. Пускай этим кем-то буду я.

– А она что ответила?

– Ты про что?

– Она согласилась пойти с тобой на вечеринку?

– Нет. – Я испытываю облегчение и ещё не успеваю понять почему, когда Кевин продолжает: – Говорят, врачи не велят из-за травмы головы. Ну ладно. Подождем с вечеринками.

– Ты так говоришь, будто все у вас решено. Может, ты уже свадьбу планируешь?

Я сжимаю цепь, с помощью которой мы обучаемся драться, накручиваю ее на свою ладонь и сильно сжимаю кулак, чувствуя, как железо больно стягивает руку.

Кевин смеется в ответ на мой угрюмый выпад.

– Нет, не планирую. Но я уже целовался с ней.

На мгновение я чувствую тишину внутри себя. Это шок.

– Что?

Я не верю ушам своим.

– Ага. Я с ней целовался. Всего разок, зато было классно.

– То есть... вы теперь... типа, вместе?

Отчего-то слова подбираются с трудом, а во рту пересыхает.

– Нет. Не вместе. Мы еще это не обсуждали. Просто поцеловал ее, а она не сопротивлялась. А еще, хочешь, прикол расскажу? – Кажется, Кевин задался целью убить меня. Его приколы сегодня не радуют. – Она считает, что я виноват в ее амнезии. Будто я ее сбил на машине.

– Что? Подожди. Ты не мог ее сбить. По легенде, в такси влетел «Корвет».

– Ну, она считает, что я был за рулем этого «Корвета» и что я уговорил Реджину из-за чувства вины взять ее в Саббат.

– И после этого она дает тебе целовать себя?

– Да. Считает, что авария не должна мешать дружбе со мной. Что не будь аварии, она бы не была здесь и прозябала в Сассексе на самом дне.

Из всего услышанного я могу сделать лишь один вывод, который почему-то, когда озвучиваю вслух, режет странной ревностью и укором.

– Значит, она в тебя влюблена, раз так считает.

– Не знаю. – Веселье и радость Кевина раздражают меня и только делают хуже. – Может и влюблена. Что с этого?

– А то, что, если ты разобьешь ей сердце, то точно разбудишь в ней Химеру, и твое очередное похождение ради другой юбки обернется нашей гибелью.

– А ты сам-то часом не влюблен в нее?

Кевин смотрит на меня светло-кариими глазами чуть с прищуром, пытаюсь понять, что чувствую.

– Я, Кевин, в таких не влюбляюсь. Я их отлавливаю, зачитываю приговор и сжигаю, посылая их души в ад, если к этому моменту они еще их не заложили.

– Ну-ну.

Кевин встает и идет к выходу.

– Что это значит? – кричу я вслед, но он лишь смеется в ответ и уходит.

Возвращение

На следующий день все разговоры за завтраком – лишь о вечеринке.

– Мелани, ты пойдешь с нами? – обращается Ева ко мне.

А я кидаю взгляд на Кевина, а затем на Рэя, который замер, услышав вопрос.

Всё ясно, боится, что я соглашусь и своим присутствием скомпрометирую его образ великосветского избалованного мальчика.

– Нет, врачи запрещают посещать такие места. Травма головы, с этим не шутят.

Ева огорченно стонет, Кевин подмигивает мне, а Рэйнольд, который с появлением Ноя пересел на свое место, снова продолжает есть, явно успокоившись.

– Кстати, о твоей травме головы. Звонили из больницы, просят пройти обследование и решить какую-то проблему со справками для получения документа о твоей новой личности. Займись этим сегодня, прямо после завтрака. – Реджина отпивает апельсиновый сок, глядя своими пепельными глазами.

– Я тебя отвезу, – оживляется Кевин, но голос директрисы с железными приказными нотками гасит его задор.

– Ее отвезет Рэйнольд. Ты мне сегодня будешь нужен. – Она поворачивается к Рэйнольду и, словно в ответ на его вопрос, легонько кивает головой.

Я испуганно таращусь на Оденкирка, который завис в своих раздумьях, и, будто почувствовав, что я на него смотрю, поднимает на меня красивые, грустные, но такие обманчивые глаза.

Закончив завтрак, мы встаем из-за стола. На выходе из столовой Кевин останавливает меня, взяв за руку.

– Может, после обследования тебе разрешат пойти на вечеринку? – Парень смотрит на меня с надеждой.

– Может и разрешат.

Хотя, внутренне понимаю, что не хочу идти туда. В этот момент к нам подходит Рэйнольд и обращается ко мне. Он смотрит холодно, говорит без эмоций, явно держит дистанцию.

– Предлагаю не мешкать и сейчас же отправиться в больницу. Иди, переоденься, а я тебя подожду на выходе.

Всё. Разворачивается и уходит. А я не сдерживаю тяжелого вздоха.

– Ты чего? – смеется Кевин.

Наверное, все что, я чувствую, читается по моему лицу.

– Не нравится мне идея ехать с ним в больницу. Он меня ненавидит. – Я бурчу под нос, скорее даже жалуясь. И снова теплота Кевина согревает меня.

– Брось! Он тебя не съест.

– Точно?

– Он предпочитает бифштексы и ягодные смузи.

Он теребит меня по плечу, но притом как-то отстраненно устремляет взгляд в сторону, будто он соврал; кажется, у меня все-таки есть шанс быть съеденной Оденкирком.

Вбежав в комнату, я лихорадочно начинаю соображать, что бы такого надеть, и вдруг понимаю: мне хочется быть незаметной. Всем моим любимым блузкам и юбкам сегодня скажу нет. Я возвращаюсь туда, откуда начала свой путь. От этой мысли дрожь пробирает. В итоге я делаю простой выбор: обычная футболка без принта, узкие джинсы и балетки. И вот я – мышка, простая серая мышка, человек из толпы. Прихватив бумаги и справки, я устремляюсь вниз. У входа уже ждет машина, в которой сидит Оденкирк и кому-то пишет смс. Он кидает мимолетный взгляд на меня и внезапно замирает.

– Что? – не удерживаюсь я от вопроса и оглядываю себя с головы до ног.

– Ничего, – бурчит он в ответ и снова утыкается в свой телефон.

Я в замешательстве сажусь рядом с ним, захлопываю дверь и оказываюсь в закрытом пространстве машины с Рэйнольдом.

И тут начинается.

Не знаю, как он, но мне трудно усидеть на месте. Невыносимо. Его присутствие пронесется током по моему телу. Моя кожа становится гиперчувствительной к любому микродвижению тела Оденкирка. Я словно тлею изнутри. Закусываю губы, глядя в окно.

Сам же Рэйнольд дышит ровно, глубоко, шумно. Сидит без движения, уставившись перед собой.

Мне нужно как-то прекратить эту пытку, отвлечься. Поэтому решаюсь начать разговор. Я поворачиваюсь, вдохнув поглубже, в тот момент, когда он решает сделать тоже самое...

– Ты...?

– Что тебе...?

И замолкаем, смущенные одинаковым порывом. Я смотрю в его глаза, которые сейчас широко распахнуты. В них читается удивление.

– Ты хотела что-то спросить? – Он первым прерывает затянувшуюся паузу.

– Да. Что не так в моей одежде?

– Ты выглядишь очень просто, – отвечает он с некоторым опозданием, словно после раздумья.

– Ну, да. Это же больница. Как-то в вечерних платьях туда не ходят.

Он ухмыляется, а я отмечаю, что впервые он прореагировал на меня по-доброму.

– Я думал, что тебе захочется одеть что-то более ... – Он пытается подобрать слово, и я помогаю.

– Пафосное?

– Ну, да.

– Я не хочу никого сражать и показывать, что мне повезло. Не люблю пафос.

Надеюсь, я дала ему понять, что дело не только в одежде.

Он молчит и о чем-то думает, глядя мне в глаза, отчего внутри будто всё стягивает в узел.

– Я хочу извиниться за свое поведение. Я прошу прощения за то, что так относился к тебе с самого начала.

– Хорошо. Принято.

Но я не довольна. Мне этого мало.

– Что не так?

Теперь его очередь спрашивать у меня. Это даже забавно.

– Просто ты оскорбил меня прилюдно, выставив напоказ мою расчесанную руку. А извиняться решил наедине. Согласись, несправедливо?

– Несправедливо, – соглашается он и чему-то улыбается. После чего едко отвечает, будто кидает кость собаке. – Хорошо, если желаешь, то я извинюсь у всех на виду.

Я ловлю его злой взгляд и отвечаю тем же:

– Я всё знаю про ваши татуировки и что это ваша фишка, как учеников частной школы Саббат. Не беспокойся, у меня такой не будет.

– Что? – Он ошарашено смотрит на меня, будто я только что открыла его самую страшную тайну.

– Я не слепая. Заметила ваши татуировки. – Я киваю на его левое запястье, а он рефлекторно натягивает край рукава. Когда-то я так делала, чтобы спрятать свое расчесанное до крови запястье. И мне его не жалко в этот момент. Я выговариваю ему всё то, что копилось за эти дни: злобно и с ненавистью: – Ева рассказала, что вы все сделали их, словно какая-то каста, в честь вашего единения. Не беспокойся. Такая безродная шавка, как я, подобранная в больнице

из жалости, не будет в вашей группе никогда. Можешь успокоиться. Я не претендую быть в вашей компании.

К глазам подступают слёзы, и я отворачиваюсь к окну, чтобы он не видел, как мне больно. Тишина душит непролитыми слезами.

– Я... я не считаю тебя безродной шавкой... – Его голос звучит глухо и до того странно, что хочется обернуться и посмотреть в его лицо. Но я не позволяю этого себе. – Просто... я... перегибаю палку в отношении тебя. Так считает Реджина. И... не только она.

Я превращаюсь вслух, слушая, как тяжело дается ему признание, как он с трудом подыскивает слова.

– Возможно, ты права, я считаю, что ты не для нас...

Горько ухмыляюсь. Все-таки он сноб и гордец. Давись правдой в виде слез, Мелани.

– Но, клянусь тебе, я постараюсь подружиться с тобой. Ты позволишь мне это?

Я все-таки оборачиваюсь, потому что последнее прозвучало с мольбой.

– Обещаешь больше не унижать меня прилюдно?

– Обещаю.

И я верю. Слишком уверенно, слишком правдиво, слишком клятвенно.

– Тогда позволю.

Я улыбаюсь ему и впервые вижу, как он улыбается мне, отмечая, насколько он красив, какие у него невероятные глаза, четко очерченные скулы, по которым так и хочется провести пальцем. А еще губы... Мой взгляд падает на них, и закрадывается мысль: каково с ним целоваться? Он такой же тягучий, как мед? Или что-то другое? А этот ток, который бежит по венам, когда он рядом? Что это?

На мгновение я забываю дышать, поглощенная своими фантазиями, и открыто гляжу на его губы, которые чуть приоткрываются, будто вот-вот слетит вопрос. Он тоже, не отрываясь, смотрит на меня, пока вопрос все-таки не слетает с его губ, возвращая меня в реальность и заставляя краснеть:

– Тебе нравится Кевин?

– Ну... смотря, что ты имеешь под словом «нравится».

Теперь моя очередь с трудом подыскивать слова. Что за странный вопрос?

– Нравится в смысле нравится, – раздраженно отвечает он, скрестив руки на груди и уткнувшись взглядом в одну точку, куда-то за плечо водителя.

– Как друг, он классный. С ним легко. Он веселит меня.

– А как парень?

Раздражение уходит из голоса, теперь Рэй спрашивает так, будто осведомляется, что я люблю больше – чай или кофе.

– Как парень? Он симпатичный, добрый, милый.

«...целуется неплохо», – мысленно продолжаю я, закусив губу.

– Ясно, – отвечает Рэй и отворачивается к окну.

А я остаюсь в недоумении: что ему ясно? В итоге, поняв, что мой собеседник не хочет продолжать разговор, тоже отворачиваюсь к окну.

Машина останавливается у входа в больницу, именно отсюда месяц назад я уезжала с мисс Реджиной, именно отсюда толстуху Розы выпроваживали домой, а я смотрела и не знала, есть ли у меня дом вообще.

Середина июля. Ветрено. Мое состояние здоровья всё то же. Амнезия всё так же играет в прятки.

Только я другая.

Войдя в здание, на меня накинута знакомый запах больницы: соединение хлорсодержащих средств, пота и страданий. В сопровождении Оденкирка, тенью следующего за мной

по пятам, я начинаю обход от одного врача до другого: тесты, вопросы, МРТ, колючие иглы, берущие кровь, разговоры.

– Ты что-нибудь вспомнила за это время?

– Нет.

– Ты помнишь свое реальное имя?

– Нет.

– Дата рождения?

– Нет.

У меня ничего нет. Половинчатая личность. Я рождена этим зданием год назад, выброшенная на койку в коматозном состоянии с поломанными ребрами. Примите это как факт. И не доставайте вопросами!

Но час за часом проходят в этих стенах; пытка продолжается. А я уже мечтаю оказаться дома. Дом! Вы слышите, у меня есть дом. Красивый старинный замок с восемью жителями и кучей слуг. И этого достаточно! У меня есть вещи, лаки и шампуни. У меня даже есть работа и хобби.

А еще в коридоре сидит самый красивый парень, которого я видела в своей жизни, и дожидается меня битый час. Отпустите!

И вот я выхожу из кабинета и вижу, как Рэйнольд мученически ждет меня в коридоре на старом разбитом пластиковом стуле, запрокинув голову к стене и закрыв глаза.

Доли секунды я трачу на любование этим лицом. И вот Рэй открывает глаза, и на меня выплескивается темно-серый цвет с темно-синими прожилками зрачка.

Цвет грозы.

Потрясающе.

Глаза у Рэя большие, а еще вдумчивые и грустные, будто он знает что-то про тебя, чего не знаешь ты по своей глупости и наивности, и это его печалит.

– Прости, что так долго.

– Ничего. Ты закончила?

– Не совсем. Осталось отнести эти справки, и я получу взамен еще несколько...

Я грустно вздыхаю и плетусь в другую часть здания, слыша, как идет за мной моя тень по имени Рэй.

Я в ы м о т а н а. Измотана. Истощена.

В кабинете мне дают бумагу для оформления государственных документов, где говорится, что у меня амнезия, имени нет, даты рождения нет, гражданства тоже нет. Поэтому просьба считать меня Мелани Гриффит, британкой, урожденной в Ливерпуле в 95-ом году. Значит, мне 18 лет.

Всё.

Я практически вываливаюсь из кабинета и падаю на стул рядом с Оденкирком.

– Всё?

– Да!

Я машу листком, словно флагом победы.

– Отлично! Поехали домой.

Он с нескрываемым облегчением поднимается и протягивает руку. Я хватаюсь за нее, чтобы подняться, ощутив, какая теплая, большая и сухая ладонь, хоть и изящная. И меня пронзает мысль, что впервые касаюсь Рэя, если не считать тех постыдных сцен, когда он публично показывал мою кисть с расчёсом.

Наверное, эта мысль тоже приходит к Рэю, потому что он задумчиво смотрит на мою руку, затерянную в его ладони.

Я медленно вынимаю ее, почувствовав холод на своих пальцах.

– Еще не все дела сделаны тут. Осталось последнее, ты подождешь меня?
Рэй кивает. А куда он денется?

Я иду с ним на первый этаж в магазинчик от больницы и покупаю пачку мороженого, после чего направлюсь на свой до боли знакомый этаж. Там меня встречает медсестра Лора. Она счастлива меня видеть, обнимает, спрашивает, как я, где живу, чем занимаюсь. Не вдаваясь в подробности, рассказываю, а она чуть не плачет от счастья, чем трогает мою душу. Лора даже обращается к Рэйнольдсу с указанием «беречь меня», будто я действительно была самым большим достижением этого здания. Возможно, и вправду я – дочь этих стен.

– А где Салем? Я тут ей мороженое купила. Хотела поблагодарить за заботу.

И радость Лоры сменяется скорбью. Все было понятно без слов, но она произносит, что Салем умерла две недели назад. И мне становится больно и грустно. Единственная, кому я была нужна в этой чертовой больнице, сейчас мертва, а мне в напоминание остается ее кофта с запахом герани и мази от радикулита. Я благодарю Лору и оставляю ей чужое мороженое.

После чего ухожу. Моя тень следует за мной.

Мы входим в лифт, Рэй нажимает кнопку.

– Мои соболезнования, – произносит он.

И, кажется, действительно сожалеет.

Я киваю в ответ, сдерживая слезы. И в этот момент лифт со странным скрежетом останавливается, и свет в кабине гаснет.

Oh, panic!

Темнота накрывает неожиданно, будто набросили одеяло. Тишина. Лифт не движется, мы стоим. Поломка. Я нащупываю кнопки и начинаю нажимать их: может, хоть одна сработает?

– Кажется, лифт сломался, – произношу я для той, что со мной в темноте. Но вместо ответа, я слышу странные звуки за спиной, которые сначала принимаю за писк какого-то прибора. Но через секунду осознаю – кто-то скулит. – Мел? Мелани?

Я произношу имя девушки, но не слышу ответа. Лишь этот пугающий звук и частое шумное дыхание, будто кто-то задыхается.

Страх накрывает меня: я в темноте, в ловушке с Химерой. Как я мог забыть, кто она? И у меня ничего, кроме шелкового фонаря. Я откидываюсь к стене, стараясь отойти как можно дальше, чтобы было расстояние для защитного удара, а сам шарю в кармане фонарь, который сунул перед отъездом.

Щелчок, и шелковый фонарь выхватывает фигурку чудовища, сидящую на полу, всю укуженную, уткнувшуюся лицом в колени. И это она скулит. Я вижу, как она часто дышит и дрожит. И что-то шепчет. Заклинание? Я пытаюсь прислушаться, но понимаю, что это незнакомый мне язык. Шелковый фонарь светит на нее, удерживая и парализуя. По крайней мере, у меня есть шанс выжить, пока нет света в кабине. Но тут чудовище нервно дергает рукой, схватившись за голову, и начинает раскачиваться, сильнее скуля и шепча что-то.

И холодное осознание, словно ледяной водой, окатывает меня. Химера не парализована фонарем. Если она Химера...

– Мел? Это ты? – Мой голос дрожит от страха, я медленно подхожу к девушке, пытаюсь увидеть ее запястье левой руки. – Мелани?

И тут она поднимает лицо. Такого я точно не ожидал! Девушка плачет, ее зрачки расширены, в них плещется ужас и смятение. Она смотрит на меня и не узнает, продолжая скулить и шептать что-то. Я вижу, что девушку бьет озноб, будто током. У нее паника.

– Мелани, – шепчу я и протягиваю руку к заплаканному лицу.

Тут наконец она замечает меня, остановив свой взгляд. И на долю секунды снова становится страшно: сейчас Химера кинется и убьет меня. Но вместо этого девушка издает жуткий мучительный стон, некрасиво искривив свой рот, и утыкается мне в шею.

Тепло девичьего тела, ее запах, горячие слезы, щекочущие длинные ресницы. Она обнимает меня, ища успокоения. И я даю это, крепко обняв дрожащую девушку. Мелани цепляется за меня, царапая ногтями. Ее длинные волосы хаотично разметались по нам обоим, словно шелковая паутина, они везде и приятно пахнут. Утыкаясь носом в ее макушку, шепчу, что всё в порядке, я здесь, всё будет хорошо, просто лифт сломался.

Девушка в панике. Ее не отпускает страх. И я осознаю, что у нее что-то типа клаустрофобии со страхом темноты. Это так человечно! Это так просто. Это так обезоруживает.

– Тшшш... Мелани, успокойся. Всё хорошо, нас сейчас вытащат. Тшшш...

Мел очень сильно дрожит. Я глажу ее по спине, чувствуя, что девушку прошиб холодный пот. Она часто дышит, опалая мою шею своим дыханием. И я ловлю себя на мысли, что мне нравится это ощущение, мне нравится ее обнимать и успокаивать.

Но как только начал наслаждаться ее беззащитностью, где есть только темнота, сладкий запах ее духов, горячее дыхание на моей шее, мокрая от ее слез рубашка, дрожь хрупкого женского тела, и во всем этом нет зрения, словно я ослеп, меня отрезвляет и возвращает в реальность заработавший лифт. Свет резко бьет по глазам, а уши заполняет сначала скрежет, а затем ровный звук заработавшей кабины.

Звучит сигнал, и лифт открывается, показывая нас, стоящих и обнимающихся, удивленным людям в коридоре. Мел все также прячет свое лицо у меня на шее; ее колотит озноб.

– Пойдем. – Я практически вытаскиваю её на себе из кабины, так как ноги девушки ослабли. Кажется, что еще чуть-чуть, и она рухнет в обморок. – Позовите доктора.

Я обращаюсь к людям в коридоре, которые удивленно таращатся на нас. Подтащив Мел к стульям, я усаживаю её и вижу лицо пепельно-серого цвета, будто передо мной мертвец, заплаканные красные глаза, в которых читается ужас и непонимание, кто она и где находится. Сильно знобит.

Через мгновение возле нас оказывается медсестра.

– Что с ней?

– В лифте застряли. Похоже, у нее клаустрофобия.

Медсестра пытается привлечь внимание Мелани, но та не реагирует.

– Ждите тут, – говорит медсестра и уходит.

– Красное... – шепчет Мелани.

– Что?

– Красное...

И вот снова медсестра. В руке у нее шприц.

– Это успокоительное. Теперь она проспит пару часов.

Я чувствую, как игла пронзает голубую вену Мелани. Девушка даже не реагирует на это, только шепчет: «Красное...»

Пара секунд, и вижу, как смеживаются веки, ее тело расслабляется, а голова запрокидывается с громким выдохом.

Она отключается.

– Я думаю, вам стоит переночевать в больнице.

– Нет. Мы на машине. Лучше дома, если что, мы вызовем скорую помощь.

Не обращая на увещания медсестры, хватаю Мелани на руки и несю к машине.

Всю дорогу я только и думаю о ней и о произошедшем с нами. Девушка беззащитным существом спит на заднем сидении, ее рука безвольно, будто тонкая ветка, свисает с сидения, но из-за низкой посадки машины ее кисть касается пола – лежит под неестественным углом, будто сломали. Это левая рука с отсутствующим знаком инициации. Сегодня я осознал, насколько все были правы. Мелани – обычная девушка со своими страхами и обидами, со своими радостями и печалью. Она обычная, пока магия дремлет внутри. И мне становится ее жалко. Ведь магия спать долго не будет, рано или поздно знак, предопределяющий всё, проявится и нарушит мирную жизнь обычного человека. Мне даже уже не хочется называть ее чудовищем.

Грустно. Но я давя в себе жалость, говоря, что таков путь инициированных, рано или поздно мы все сталкиваемся с проблемой выбора, где велика вероятность, что ты будешь в одном лагере, а твой брат или сестра – в другом. Рано или поздно Мелани либо окажется на костре, либо станет разящей рукой Сената.

Машина резко вильнула из-за подрезавшего нас идиота, а я оборачиваюсь назад, чтобы посмотреть, как лежит девушка, не сползла ли на пол.

– Аккуратней веди, – рычу я на ни в чем не виноватого водителя.

Машина быстро продельвает нужный путь; вот уже впереди виднеется Саббат со своими башнями и серыми стенами.

Мы въезжаем во двор и плавно тормозим.

Я достаю спящую Мелани с заднего сидения и беру на руки, отметив про себя, насколько она легкая. Ее лицо уже приобрело здоровый оттенок, а слезы высохли на ресницах. Я вхожу в здание и останавливаюсь, окружённый своими же. Все ученики смотрят на меня, на лицах

читаются самые разные эмоции: шокированный бледный Кевин, серьезные Курт и Ной, опечаленная Ева и довольный улыбающийся Стефан.

– Ну что? Мне идти готовить подземелье для церемониала? – Стефан кровожадно потирает руки, и я в ужасе осознаю, почему все пьются на нас.

Они думают, что Мелани стала Химерой и я ее вырубил, чтобы притащить сюда и сжечь.

– Господи, Стеф! – Ева шокированно смотрит на своего парня с явным отвращением, не находя слов для его довольного вида.

В эту минуту я слышу звонкие удары каблуков спешащей навстречу нам Реджины. Она практически подбегает ко мне, а у меня в мыслях лишь шок от поведения Стефана и осознания, что пару часов назад я сам бы вёл себя так же, если бы не эта поездка в больницу. Реджина хватается за кисть Мелани и не находит знака. Пусто.

– Что с ней? – Её голос звучит сталью. Она успокоилась.

– В больнице мы застряли в лифте, и с ней случилась паника. Похоже, клаустрофобия. Медсестры ввели ей успокоительное. Проспит пару часов.

Я слышу пару облегченных вздохов.

Стефан стоит раздосадованный, что сегодня не будут пылать костры Инквизиции в подземельях Саббата. Злой, со своей неудовлетворенной жадой крови, молча покидает нас.

– Отнеси ее в комнату, – говорит мне приказным тоном Реджина, после чего разворачивается на каблуках и, громко хлопая в ладони, кричит на всех: – Ну, чего встали? Девочка просто хлопнулась в обморок, а вы уже тут накинулись, как стервятники! Пошли вон отсюда! Вы, кажется, собирались на вечеринку!

И все расходятся. Остаёмся лишь мы с Евой и Кевином. Глядя на младшего Ганна, я испытываю странные чувства, будто забрал что-то, что по праву принадлежало ему. Неприятно. А тот, явно успокоенный, ухмыляется, потирая рукой затылок:

– Я уж думал, что она вспомнила, кто такая. Думал, что всё.

И я чувствую волну злорадства, вспоминая вчерашний разговор, когда бросил ему: «В любую минуту она может вспомнить всё. И что ты будешь делать тогда? Пойдешь за бутылкой керосина, а потом на день рождения к Мике?»

Всё практически так и произошло. Будет ему уроком. Может, меньше будет волочиться за Мел?

Мы с Евой поднимаемся в спальню, оставив Кевина в раздумьях и растрепанных чувствах.

Комната девушки, в отличие от наших, еще толком не обжита. Это у нас они уже обросли вещами и мебелью, картинами и постерами. Единственное, что точно не отсюда – это горшок с землей, стоящий на окне, наверное, там скоро что-то прорастет. Я кладу девушку на кровать, а Ева разувает её и накрывает одеялом.

Мы оба стоим у изножья кровати и смотрим на спящую.

– Как прошла поездка? Если не считать приступа клаустрофобии.

– План Реджины сработал. Признаюсь, она обычная и пока не опасная девушка.

– Реджина специально отправила тебя с ней?

– Да, чтобы лучше ее узнал и чтобы мы пообщались. Я за завтраком догадался, а она подтвердила.

– И хорошо пообщались?

Ева проходит и садится в кресло. Я у себя от такого избавился: слишком уж неудобное.

– Ну, да. Я пообещал ей извиниться при всех за свое поведение.

– О! Оденкирк, это прогресс! Правда, готовься: Стефан в ярости на тебя.

Я тут же вспоминаю обозленный и расстроенный вид Стефана, когда тот узнал, что Мелани – всё ещё Мелани.

– Кажется, с ним будут проблемы.

– С ним всегда проблемы.

– Так ты идешь на вечеринку?

Я оборачиваюсь на задумчивую Еву, которая сидит в красивом блестящем платье с непозволительным мини, уложенной причёской и с макияжем. Ее такой не каждый день увидишь. Очень горячо выглядит.

– Иду. Только кто будет с Мелани, когда проснется?

– Я побуду.

– Смотри, Кевин заревнует.

Она встает с кресла, поправляя платье.

– Смотри, Стефан заревнует, – киваю я на ее длинные и слишком открытые ноги.

– Стефана легко отвлечь парой поцелуев. А вот Кевин не особо будет рад, если ты к нему полезешь целоваться.

– Мы договоримся с ним, – смеюсь я. – Кстати, Кевин идет с вами?

– Вроде бы собирался.

Она почти доходит до двери и останавливается.

– Есть последние новости из стана Химер. Кажется, они догадались, что Мелани жива. У них там идет какое-то движение. Реджина обеспокоена, что они будут искать ее, и узнают всё.

– И что?

Мне это не нравится. Если Химеры всё узнают – нам несдобровать: либо перебыют весь Саббат, либо отдадут на суд Сената за нарушение третьего правила – закон Равновесия.

– Не знаю. Артур и Реджина думают над этим. Наверное, обратятся к другим Светочам за помощью.

Она кидает взгляд на Мелани и выходит.

Не потому, что ты мне нравишься

Я медленно прихожу в себя. Такое ощущение, будто мое тело – чугунок, камень, дерево, да что угодно, только не тело. Что-то тяжелое, неподатливое.

Глаза закрыты, но голова работает, притом не очень хорошо. Словно я переспала положенную норму. А во рту кислятина. Господи, надеюсь, я не проспала подъем, не хотелось бы получить нагоняй от мисс Татум! Заставляю себя подняться и сесть, но глаза все так же закрыты. Тяжелые веки не хотят открываться. Приступ зевоты словно подтверждает, что я не прочь дальше спать. Но если усну, то будут проблемы, а, во-вторых, так можно опять впасть в кому. Тру глаза-предатели, затем запускаю пальцы в волосы и чувствую, что у меня там все спутано в воронье гнездо.

Хорошенько проморгавшись, я поднимаю взгляд, чтобы привычно посмотреть в окно. Но первое, что вижу – цвет розы. И он улыбается.

Рэйнольд сидит в кресле, подавшись вперед, облокотившись на колени, и смотрит на меня в упор. И улыбается.

– Рэй? – Мой голос ломается в конце, что приходится откашляться, чтобы продолжить. – Ты что здесь делаешь?

– Наблюдаю, – напевно отвечает он, будто действительно видит жутко интересное явление.

– Зачем? – выпаливаю я. А затем понимаю, что это не тот вопрос. – Что ты делаешь в моей комнате?

– Я уже сказал, что я делаю в твоей комнате.

Он откидывается в кресло, положив руки на подлокотники. Будто сидит на троне. И продолжает улыбаться! Это выводит из себя. Раздражает.

– Зачем? – Нет, все-таки первый вопрос был правильный.

– Чтобы узнать, как ты после вчерашнего.

Ага. Вчерашнее. А что у нас было вчера? Я пытаюсь вспомнить, но последнее, что я помню, это разговор про вечеринку за завтраком.

И тут замечаю, что одета: я спала в джинсах и майке. И воспоминания, словно из корзины, сыплются одно за другим. Завтрак, спор с Рэем, больница и куча врачей, весть о смерти Салем и ... темнота.

Только это не та темнота, которая дырой проходит в моей памяти о прошлом. Это живая Темнота, если так можно ее описать. Она давит мне на грудную клетку; невозможно пошевелиться, потому что Темнота огромным грузом придавила меня и ломает кости. А потом красный трепещущий цвет побеждает Темноту, но оставляет нереальное количество боли.

– Что со мной было?

Я слышу, как изменился тон моего голоса.

– Приступ клаустрофобии. – Рэй напряжен, его руки сжаты в кулаки. – Мы застряли в лифте, там, в больнице. И у тебя был приступ паники.

– У меня никогда не было приступов паники...

Рэй смотрит на меня, не отрываясь, будто ждет, чтобы я призналась в чем-то. Только вот беда, мне не в чем признаваться.

– Я не знаю, что еще ты хочешь услышать, – сдаюсь я, вызывая у него усмешку. Но лишь на мгновение, и вот он снова сама серьезность.

– Ты ничего не вспомнила?

– Нет. – Но то ли я патологически не умею врать, то ли дело в Оденкирке, который одним своим присутствием выбивает меня из колеи, мой ответ звучит неуверенно. И вот теперь мне есть что рассказать. – Просто последнее что я помню до аварии, это странный трепещущий

красный цвет. А теперь добавилась темнота. Она словно душит меня, ломает, будто на меня навалилось что-то. А потом как раз красный цвет...

Звучит как бред сумасшедшей. Черт. Теперь Оденкирк будет думать, что у меня не все дома.

– А ты не знаешь, что это может быть?

Кажется, Рэй все принял очень серьезно и теперь, как заправский психолог, сидя в кресле и водя своим изящным пальцем по подбородку, пытается докопаться до истины.

– Нет... Может, это и есть авария. Красный – это «Корвет», а темнота – это когда в меня въехали...

– Да, наверное, ты права. Всё так и есть. – Он неожиданно прекращает играть в психолога, хлопнув ладонью по ручке кресла. – Я думаю, ты голодная.

– Да, голодная. А который час?

– Полдесятого.

– Я проспала подъем, – отлично! Жди выговора от Реджины и мисс Татум.

– Не беспокойся. Все в курсе вчерашнего твоего ... приключения. Поэтому никто ругаться не будет. Наоборот, пока ты тут спала, многие заглядывали узнать, как ты.

– Правда?

Я не верю ушам. Надо же! Оказывается, приятно осознавать, что о тебе волнуются.

– Правда. Или ты ждешь кого-то особенного среди заглянувших?

Он вроде бы весел, и в тоже время взгляд у Рэя серьезный, колкий. Будто я опять что-то недоговорила.

– Нет, никого не жду.

Видно, мой ответ и тон его полностью устроил. И он снова улыбнулся.

– Вот и отлично! Пойду распоряжусь, чтобы нам приготовили завтрак. А то я тоже его пропустил...

Он встает из кресла, морщась и разминая плечи. Я замечаю краем глаза, какие у него мускулы и вообще обалденное тело, спрятанное под рубашкой. А главное, насколько изменились наши отношения за один день.

И тут он замечает мой взгляд и удивленно вскидывает бровь.

– Я так понимаю, мы теперь друзья?

Не знаю, зачем это спрашиваю, но мне нужно знать ответ.

– А ты хочешь, чтобы мы были друзьями?

Опять вопросом на вопрос, особенность Саббата.

– Нет, неправильно. Хочешь ли ты, чтобы мы были друзьями? Ведь это ты считаешь меня не для вашего круга.

Я будто снова отчетливо слышу: *«Возможно, ты права, я считаю, что ты не для нас...»*.

Рэй смотрит на меня как-то странно. Я не могу расшифровать этот взгляд, лишь замечаю, как его рука странно дёргается и останавливается на полпути.

– Да, Мелани, я хочу, чтобы мы были друзьями.

Он говорит медленно, будто сам прислушивается к тому, что произносит. А я замечаю, как приятно звучит мое имя в его исполнении.

И я улыбаюсь, получая взамен такую же улыбку – дружескую и теплую.

В этот момент дверь тихонько приоткрывается, но увидев, что никто не спит, со словами: «Эй! Да ты проснулась!» – входит Кевин.

– Ну, ты дала нам вчера понервничать, когда Рэй притащил тебя без сознания.

Кевин бухается ко мне на кровать, и теперь его лицо близко к моему, а мои глаза на уровне его ореховых. И снова запах сандала. Я оборачиваюсь на Рэя, он стоит и просто наблю-

дает за нами, снова это выражение лица, будто изучает что-то любопытное: глаза чуть прищурены, серьезные, тело замерло в пространстве.

– Ты нес меня в бессознательном состоянии?

– Тебе ввели успокоительное в больнице, вот ты и отключилась.

Сказано, будто он каждый день меня носит на руках спящую.

– Ты как себя чувствуешь?

Кевин вновь перетягивает внимание на себя.

– Нормально. Правда есть хочется и в душ.

Только сейчас я с досадой отмечаю, что от меня неприятно пахнет. Снова больницей и нематым телом.

– Я уже сказал миссис Лонг, чтобы тебе оставили поесть. Сегодня был ее изумительный омлет с беконом.

Он улыбается, заражая своей улыбкой.

– Спасибо, только ...Рэй тоже не ел.

Кевин оборачивается на друга, словно только что вспомнил о его присутствии.

– Извини, брат. Про тебя и вовсе забыл!

– Ничего. Думаю, миссис Лонг меня голодным не оставит.

Он как-то странно себя ведет, словно пытается быть ненавязчивым и уходить не хочет. Кевин явно нервничает. Они оба такие забавные.

– Как прошла вечеринка? – интересуюсь у Кевина, который косится на Рэя.

– Отлично. Но без тебя было ужасно скучно. Весь вечер просидел у стойки бара. Лучше бы остался здесь. Сменил бы Рэя на посту...

– На посту?

– Ну, да. Рэйнольд ведь здесь у тебя всю ночь провел.

Я снова кидаю взгляд на Рэя, который теперь отводит взгляд и рассматривает с интересом потолок и гардины.

– Рэй? – окликаю я.

Он, не отрываясь от потолка, произносит:

– Просто тебя хотели в больнице оставить после успокоительного. Боялся, вдруг с тобой что-то не так. Я обещал вызвать скорую, если что... А у тебя потолок в углу не течет?

Резкая смена темы вышибает меня из колеи окончательно, и я с Кевином начинаем пялиться на потолок.

– Вроде бы нет, а что не так с потолком?

– Просто я помню, мисс Татум жаловалась на эту комнату и ту, что рядом, что у них течь из-за дырявой крыши на чердаке...

Я еще пару секунд пялюсь вверх и только потом осознаю, что это бред. Куда ушел разговор? С чего мы все стали волноваться из-за моих потолков?

Только я опустила глаза, как тут же поняла, что Рэйнольд все это время смотрел на меня, пока я таращила вверх, ища течь.

– Ладно, ты, кажется, в душ собиралась. – Кевин, как ни в чем не бывало, напоминает о себе. – Тогда жду внизу.

Он легонько щелкает меня по носу, звякнув браслетом часов на руке. Всё это, как тогда, после поцелуя. И я краснею от воспоминаний и неловкости.

– Пойдем, Рэй, – зовёт Кевин, и тот, чуть помедлив, следует за ним.

А я смущенно прячу глаза, потому что Кевин не должен был этого делать при Рэе, это, вроде как, наш с ним жест. Уж больно личное.

Приняв душ, я переделалась, позволив себе сегодня то, что люблю – платье. Отчего-то хотелось выглядеть восхитительно и в тоже время ненавязчиво. Станный порыв. Но я не хочу

задумываться над этим. Поэтому выбор пал на то самое платье, в котором я прибыла с шоппинга – бежевое и воздушное. Оно не вычурное, не официальное, может, чуть старомодное, но оно милое. И я в нем милая. Мы просто созданы друг для друга. Это любовь!

Именно в таком виде я спускаюсь в пустую столовую и сталкиваюсь с напряженно беседующими о чем-то Рэем и Стефаном. Заметив меня, парни тут же замолкают. Стефан бросает на меня злобный взгляд и зачем-то кидает Рэю: «Наслаждайся». В этот самый момент подходит Кевин и, обернувшись на уходящего недовольного Стефана, обменивается с Рэйнольдом многозначительными взглядами. После чего поворачивается ко мне, и я вижу, как ширится его зрачок:

– Вау! Мелани. Ты еще в первый раз поразила меня в нем. Пойдем, там уже все стынет. Кевин хватает меня за локоть и ведет в столовую. Сзади следует тенью Оденкирк.

Безлюдная столовая – удручающее зрелище. Глянцевая поверхность обеденного стола пуста и холодна, отражает в себе лепнину потолка и свет окон. И никого. Тишина.

– Садись, – приглашает Кевин.

Напротив меня садится Рэйнольд. Кевин заботливо подкатывает тележку и начинает ставить перед нами тарелки.

– Только не привыкай! Я стараюсь не для тебя, – смеется Кевин, обращаясь к Рэйнольду, тот вежливо улыбается, но как-то прохладно, стараясь на меня не смотреть.

Булочки с корицей уже остыли, как и омлет, но все равно очень вкусно. Кевин тем временем рассказывает Рэю о вчерашней вечеринке, о том, как Курт поспорил с каким-то крутым боксером, что положит его на лопатки за пару ударов и «конечно же, выиграл», как он встретил какого-то Джейса у барной стойки, но самое главное, что на вечеринку явился кто-то, кому были не рады.

– Прикинь! Это же наглость. Они себе никогда такого не позволяли. – Я замечаю, что Рэй кидает на меня настороженные взгляды, будто мне слышать что-то не положено, но Кевин не замечает и продолжает трещать. – Ева говорит, что у них там идет какое-то движение. Что они будто специально нарываються на наших. Зачем? Я не понимаю.

– Мел, ты как? – Рэйнольд прерывает Кевина и спрашивает меня, будто в любой момент снова могу впасть в панику или кому.

Хотя я поглощаю завтрак, как тысяча голодных аборигенов.

– Нормально. А что?

– Думаю, тебе стоит найти мисс Татум, вряд ли тебя сегодня освободили от дел.

Я чувствую, как в горле комком встал кусок омлета: так нагло меня ещё не отсылали! Я помню, в больнице меня посылали на разные лады толстый развратник Джей, но чтобы так, да еще с указанием моего места здесь?! А еще это больно слышать от Оденкирка.

– Не беспокойся. Я помню о своих обязанностях.

Я резко допиваю остывший чай с молоком, вытираю рукой рот, встаю и ухожу. Кевин даже не понял, что произошло. Он пялится вслед, удивленно окликаая меня.

Мисс Татум я нахожу в её кабинете, похожем на стойку ресепшн, на первом этаже у самого входа. Она с кем-то говорит по телефону и, увидев меня, улыбается, бесшумно произносит: «Дело есть».

Я жду окончания разговора, рассматривая странную картину на стене, где изображена куча людей на каких-то сколоченных подмостках, сверху в кресле сидит священнослужитель, а внизу ведут мужчин на поводке. Мой взгляд переносится на название репродукции, которое выгравировано на табличке: «Педро Берругете, «Аутодафе», 1500». Мне это ничего не говорит, но знаю одно: мне картина не нравится.

– Мелани, сейчас привезут мешки с солью, нужно проследить за доставкой и за тем, чтобы их сложили в кладовую.

Кладовая находится рядом с входом в подземелья, там хранится всё: от круп, кетчупа и консервных банок до рулонов туалетной бумаги и средств для мытья посуды.

Выходя от мисс Татум, я все-таки спрашиваю напоследок, кивая на репродукцию на стене:

– А что такое аутодафе?

– Сожжение ведьм. – Но, поймав мой опешивший взгляд, она шутит, обводя замок глазами: – Это же Шабаш, деточка.

Доставщик оказался нагловатым парнем, который сальным взглядом пялился на мои ноги.

– Ты здесь живешь?

Он улыбается мне отсутствием одного зуба и своими прыщами по лицу. В ушах туннели: две огромные пробитые дыры. Не удивлюсь, если он весь в татуировках.

– Нет, работаю.

– Ух, ты! Вам сюда никто не нужен? А то я с радостью переметнулся бы, тем более, когда есть такие красавицы, как ты.

Я стою на солнце и чувствую, как кожу лижут ультрафиолетовые лучи. Тепло приятно окутывает меня. Если бы не солнце, то я бы точно послала этого парня. А пока жду обещанную помощь от мисс Татум. Дело в том, что нужно снести эти мешки в кладовую, а соли много.

– Зачем вам столько соли? – удивляется парень, глядя на груды посреди двора.

Я молча кое-как расписываюсь в его бумагах (моя закорючка напоминает что-то типа дрожащей галочки) и не показываю вида, что сама задаюсь этим вопросом.

– Надо.

На земле лежат десять огромных мешков. Из-за дурацкой заминки поставщики забыли прислать нормального парня, который должен снести их в подвал, в итоге мисс Татум ушла разбираться с фирмой, сказав, что сейчас пришлет кого-нибудь из учеников: "Все равно они любят тренировки".

Я молюсь, чтобы это был не Рэй, мне его хватило сегодня. И в тоже время хочется снова увидеть.

Мои молитвы услышаны кем-то, и этот кто-то имеет странное чувство юмора – мне на помощь идет сам Стефан Клаусснер, коренастый, словно специально надел майку, чтобы все видели его выпуклые железные мускулы и перевязанное плечо. Он надвигается, как туча, прекрасный, грозный, темноволосый, с фирменным жгучим взглядом из-под четких широких бровей. На секунду мы словно чувствуем мощь, скрытую в этом парне. Я сначала задаюсь вопросом, почему мисс Татум пригласила помочь человека с травмой, но потом понимаю, что он выглядит не особо беспомощным.

– Что у вас тут? – спрашивает Стефан почти грубо, отрывисто, не смотря на меня.

– Нужно мешки переташить. Я заказ отдал, все остальное – дело ваше, – отчеканивает парень с безразличным видом Стефу, после чего разворачивается и уходит, оставив меня наедине с человеком-вулканом.

Стефан тут же смотрит на меня. И я кидаюсь открывать кладовую.

Распахиваю двери кладовой; оттуда тянет влажной прохладой подземелья. Включив свет, я едва успеваю найти место, куда все сложить, как уже появляется Стеф, несущий на спине огромный мешок соли.

– Куда класть?

– Сюда, – я указываю на найденное место.

И Стефан проходит очень близко, так что я чувствую от него запах пота и мусса для волос.

– Может, стоит позвать кого-то другого?

Он останавливается, пронзая своими темными глазами.

– Зачем? Меня боишься?

Последние слова сказаны с вызовом и плохо скрываемой яростью.

– Нет, твое плечо, оно до конца не зажило. А тут мешки таскать надо.

– Справлюсь.

Он хмуро двигается к выходу.

На пятом мешке, я вижу, что парень весь в поту, а рана, кажется, открылась.

– Нет. Я все-таки позову кого-нибудь. Это не дело!

– Я сказал, справлюсь, значит, справлюсь! – рявкает он в ответ, и я невольно содрогаюсь. – Мисс Реджина послала меня, значит, таскать буду я. Ее приказы не обсуждаются.

– Звучит, будто она военачальник твой... Или она хозяйка, а ты слуга.

Лучше бы я прикусила язык! Потому что он меня отшвыривает, как мячик, и я падаю на пол, ударяясь о мешки с солью. От моего удара один из мешков лопається под весом других и от угла рядом стоящих железных полок, и меня обдаёт сверху мелкой пылью соли. Это ужасно. Я чувствую, как она песком сыпется мне на голову, за шиворот и под ноги. Я зажмуриваюсь, чтобы, не дай бог, соль не попала мне в глаза. Откуда-то я слышу странный звук. И только когда соль прекращает течь на меня, я осторожно открываю глаза и понимаю, что Стефан смотрит на меня и смеется. Только смех злобный.

Этого хватает, чтобы достичь пика ярости. К его изумлению, я вскакиваю и надвигаюсь, сжимая кулаки и распространяя клубы соли вокруг себя.

– Смешно, да?

– Ты смогла выйти?

Он ошарашенно пялится на меня.

– А ты думал, меня засыплет по самый нос?

И я кидаюсь с кулаками на него, не соображая, что делаю, а главное, с кем. Конечно, мои жалкие потуги сделать больно Стефу пресекаются его легкими движениями; он будто муху отгоняет. В итоге, я делаю нечестный ход – хватаю его за рану, вцепившись ногтями в кожу. Я вижу, как багровой струей кровь течет по его горячей мускулистой руке. И тут понимаю, что наделала. Ужас, вина, стыд.

– Прости меня, – шепчу, поднимаю взгляд и вижу красное от злости лицо Стефана и черные ненавидящие глаза.

Его трясет от ярости, Клаусснер замахивается и ударяет меня по лицу. Я отлетаю спиной к полкам, чувствуя, как боль разрастается на моей щеке и новыми синяками на хребте.

Напоследок успеваю подумать, что Стефан сейчас меня убьет. И тут накрывает темнота. Что-то тканью падает сверху с шелестом, что-то мелкое сыпется мне на голову, и я падаю на колени, придавленная этим. Всё повторяется. Я задыхаюсь, потому что меня держит материя, ничего не вижу. Это страшнее, чем быть убитой Клаусснером. Это больнее пощечин и синяков. Так начинается паника. Я бьюсь внутри темноты, чувствуя, что тяжело дышать, мне не хватает воздуха. Я визжу, брыкаюсь, бьюсь в заточении, но не могу выбраться.

Освобождение приходит также мгновенно, как и темнота. Резкий поток свежего воздуха, свет и Клаусснер, держащий в руках брезент.

Мне хватает пары секунд, чтобы понять, что ткань и темнота – это был съехавший брезент с полок, а на голову мне сыпались коробки с зубной пастой.

– Спасибо, – бормочу Стефану, а саму бьет озноб.

Сам же парень стоит и смотрит на меня, как на что-то необъяснимое.

– Я это сделал не потому, что ты мне нравишься. Не придумывай себе.

Он продолжает на меня удивленно смотреть. В этот момент у входа в кладовую с улицы доносится грозный холодный рык Реджины:

– Клаусснер! Гриффит! За мной!

Моя губа распухла, как и нос с левой стороны, там наливается хороший синяк. Моя кровь размазана по лицу самой же, когда боролась с брезентом на полу.

– Неудачный синяк. Неужели он от удара о стойку с продуктами?

Мисс Реджина напоминает талантливого следователя, который пытается меня поймать на лжи. Уж не знаю, как она узнала, что в кладовой творится неладное, но я продолжаю гнуть линию, что это я сама виновата в рассыпавшейся соли, что при падении на мешки запуталась в брезенте, а пока барахталась – ударила лицом.

– И не такое бывает. Простите, я неловкая очень.

Мисс Реджина цокает недовольно языком и поворачивается спиной.

– Идите, приведите себя в порядок. Я подумаю о наказании для вас обоих. Стефан, ты меня разочаровал. Мелани, ты тоже.

И мы, извиняясь, уходим из ее кабинета.

– Зачем ты соврала ей?

Стефан грозно нависает надо мной.

– А мне стоило сказать, что ты пытался меня убить?

Он гордо откидывает голову, смотря на меня сверху вниз и о чем-то напряженно думает.

– Спасибо тебе. Но врать Реджине бесполезно, запомни. Всё равно она меня накажет.

Его голос потеплел, хотя тон все еще резок, кажется, что-то щелкнуло внутри него по отношению ко мне.

– Я это сделала не ради тебя. Как ты сказал? Не потому, что ты мне нравишься?

– Конечно, не ради меня. – Стефан злобно ухмыляется. – Ты же только о себе и думаешь. Такие, как ты, только и способны думать о себе.

И он уходит, оставляя меня в коридоре с ноющей губой и кучей синяков. А я сама стою и думаю, почему его выгораживала? Может, все-таки стоило поведать мисс Реджине, каков из себя Стефан Клаусснер? Какая я же глупая и наивная дурочка, поверившая, что, скрыв его вину, изменю что-то между нами.

Крыша течь дала

Ее появление на ужине произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Я знал, что произошла какая-то стычка между Мелани и Стефом, но такое! Я помню, как похолодело все внутри, когда она вошла в столовую. На ней не было этого восхитительного воздушного платья, которое делало ее очень женственной и милой. На ней теперь была черная кофта и джинсы, которые, как назло, стирали в ней всю беззащитность и утонченность, она пыталась быть незаметной. Но как быть незаметным, когда у тебя на пол-лица синяк?

Ее красивые черты с левой стороны были изуродованы отеком. Губа так вообще была лиловая с запекшейся кровью. Не скажу, что я не видел ничего страшнее. Видел. И не такое. Намного хуже. В конце концов, я видел ее в больнице, когда она была в коме, вся поломанная с кровавым месивом вместо лица. Но сейчас, когда узнал ее намного лучше, уже не считая чудовищем, а лишь смертной, которой предстоит инициация, вид ее разбитой губы и распухшей ноздри привел меня в шок и ярость.

Мне захотелось убить Стефана, самому врезать от души. Благо, Клаусснера не было за столом, иначе последующий разговор состоялся прямо за ужином.

Я весь вечер не отрывал глаз от Мелани, наблюдая, как она молча ест, кривясь от боли, когда горячий кусок пищи или неловкое движение во время пережевывания задевали ее губу. А ведь только утром любовался ее точеным личиком, дивясь, что природа наградила теми чертами лица и характера, которые мне нравятся в девушках. Особенно позабавило то детское движение рукой, когда она за завтраком утерла рукой губы после еды. Это было так невинно, наивно, вызывая во мне безотчетный порыв умиления и нежности, хотя я тогда грубо отослал девушку из столовой, а то Кевина невозможно было остановить.

Прошлой ночью я глядел на спящую и жалел ее. Скоро магия прорвется и мир рухнет. И тогда я либо буду ждать, когда Сенат выдаст лицензию на ее убийство, и собственноручно сожгу эту красоту, либо она станет Инквизитором, одной из нас, и мне придется обучать ее, как разводить костры для бывших сестер и братьев. За ночь я прошел путь от «чудовища» до просто «Мелани». А еще понял, как тяжело ненавидеть того, кто создан будто по твоим канонам и понятиям о красоте. Если бы она не была Химерой, если бы она не была тем, кем является, то, возможно, я обратил бы внимание на Мелани. А пока пусть Кевин наслаждается ее обществом.

Бомба разорвалась во время тренировки, когда Стефан явился, будто ни в чем не бывало, при этом пропустив вчерашний ужин и сегодняшний завтрак. Он вошел, что-то насвистывая и кинув привычное: «Всем привет». Мы замерли при его появлении.

Заметив наши напряженные лица и позы, он остановился и удивленно развел руками:

– Что?

– Ты начал руку поднимать на женщин? – Кевин еле сдерживался от ярости. И я его понимал. Потому что сам сжимал кулаки, чтобы не рвануть к другу и не стереть эту ухмылку.

– Женщин? Я на женщин не поднимаю.

– Тогда объясни синяк на лице Мелани.

Это уже был я. Стефан медленно, как бывало на охоте, приблизился к нам.

– О! Да у нас уже образовался свой фан-клуб? Девочка ударилась об угол. Не верите, спросите у нее. Кстати, Рэй, не ты ли сам называл ее чудовищем и таскал повсюду фонарь с ножом, готовясь перерезать ей горло в любой момент? Или ты, как Ева, веришь в ее изменение? А может ты стал, как наш Кевин, готовый есть с руки любой девки с симпатичным лицом?

Я рванулся к Стефану, замахиваясь. Кевин опередил меня и попытался ударить Стефа в лицо, но Клаусснер успел перехватить кулак соперника и начал применять дар. Я знаю, что почувствовал младший Ганн, мы все испытывали силы Стефа на себе: это резкий упадок сил, звон в ушах, помутнение сознания с ощущением отхлынувшей крови от лица. Это неприятное обморочное состояние. Кевин начал оседать безвольной куклой, но еще борясь с этой слабостью.

– Прекрати... это нечестно... – прошептал Кевин, становясь бледным как мел.

В следующую секунду он стал приходить в себя, но не потому что Стефан прекратил использовать свой дар, нет, за Кевина заступился старший. Курт начал вытягивать магическую силу из Стефана, превращая его в смертного.

– Прекратите! – Голос Евы резок, как удар ножом. И все прекращают мериться силой, отходя друг от друга. Никто не знает, как долго Ева стоит на балконе спортзала и наблюдает за нами. – Ной!

Она обращается к своему близнецу и всем понятно, зачем.

– Ева, – просит ее Стефан с мольбой в голосе.

Мы все знаем, как она дорога ему. Но мы знаем и Еву, которая не сможет простить ему несправедливость в отношении Мелани.

Девушка непреклонна, и, несмотря на ровный тон голоса, все знают, что ей так же больно видеть и участвовать в этом, как и Стефану:

– Ты же сам сказал, что она ударилась, так чего тебе бояться Ноя?

– Ну, хорошо! Смотри сама, как дело было!

Стефан подлетает к Нюю и хватает его за руку.

Зрачок Ноя Валльде сужается и он видит прошлое, видит всё то, что творилось в кладовой вчера, транслируя это сестре.

Секунда, две, пять, десять... И Ной отпускает Стефана. Все трое сконфужены, смотрят себе под ноги. Знакомое ощущение присутствия, когда прошлое становится настолько реальным.

– Говоришь, об угол ударилась? – Ева чуть ли не плачет, и меня пронзает боль: все-таки Стефан сделал это, он все-таки ударил Мел. – Ну почему, Стеф, почему?

– Она впилась ногтями в рану!

Стеф пытается слабо оправдаться, но Еву уже не уговорить, впервые я вижу такой. Обычно она пыталась сдерживать себя. Но не в этот раз.

– Конечно, впилась, ты же ее толкнул в соль! – Ева практически накричала на Стефана, а мы переглянулись.

Я почувствовал, как холодный ужас пробирается в меня: неужели у Мелани повреждения хуже, чем просто удар? Все знают, что некоторые особо чувствительные инициированные не выносят соли. Не зря мы так активно ее используем в охоте на ведьм: мы с помощью соли очерчиваем круг, чтобы ведьма не сбежала, а иногда кидаем соль на нее саму и вещество оставляет порой нехилые ожоги на Химерах.

Теперь я понимаю, почему Мелани вцепилась в плечо Стефана, а тот ударил. Наверное, у нее все тело в ожогах. На краткий миг, мне вспомнились длинные изящные ноги девушки...

– Но она ведь не пострадала! – заорал в ответ Клаусснер.

И мой ужас резко сменился облегчением, так что даже в ушах зазвенело.

– Вот именно! Не пострадала, Стефан! Она обычная девушка! Она не Химера! Что ещё ей нужно сделать, чтобы ты глаза свои раскрыл? Может, ей стоит сразу прыгнуть в огонь, чтобы ты увидел, что она человек? – Ева замолчала, собираясь мыслями и силами. После чего снова включила режим «Ева Валльде – холодная и беспристрастная». – Ты поднял на нее руку, Сте-

фан Клаусснер. И не надо оправдывать этот поступок тем, что ты думал – она Химера. Если ты смог ударить ее, значит, сможешь ударить и другую. Никто, понимаешь, даже Рэйнольд... – Мое сердце сделало скачок. – ...со своим предвзятым отношением к Химерам, никогда не опускался так низко.

Ой, ну спасибо, Ева. Оказывается, я у тебя числился в рядах самых опасных людей.

Девушка разворачивается и покидает балкон, оставляя нас в смешанных чувствах. Стефан просто убит, жалок. Он разворачивается и молча покидает спортзал. Я тоже уже не в состоянии тренироваться, поэтому покидаю тренировку, не начав ее. Я знаю одно, мне нужно увидеть Мелани. И я пускаюсь на поиски.

Сначала обхожу все подсобки, заглядываю в оранжевую, но там никого. Затем иду к ее спальне, заглядывая попутно в гостиную и в учебные классы. Но и там пусто. Мелани будто исчезла. Я судорожно пытаюсь вспомнить, что знаю о ее расписании дня. И сдаюсь. Я не знаю, где ее носит в Саббате в эти часы. Поэтому, привалившись к стене, пытаюсь сконцентрироваться на боли: кухарка порезала палец – не то, ноющая рана Стефа – самая глушащая боль, но снова не то, Кевин бьет кулаком по чему-то, что аж костяшки трещат – наверное, от злости, но снова не то. И лишь где-то наверху, на чердаках чувствую отголоски саднящей раны на губе и проносающуюся тень болящих мышц лица от удара в виде синяков. Попалась!

Я иду на чердаки, которые кое-где переходят в башни с бойницами. Словно на охоте, ведомый чужой болью, я неспешно двигаюсь на зов, стараясь не шуметь и не быть замеченным. И вот теряю контроль над собой, сейчас снова идет игра "охотник-жертва". В одном из коридоров я замечаю ее. Это восточное направление, она идет ровно над нашими спальнями. И, кажется, догадываюсь, что ищет – придуманную мной течь крыши. Волосы скрывают разбитую половину лица, я вижу лишь тонкий прекрасный профиль. Девушка поднимает голову, открывая моему взору изящную шею, она изучает потолок на наличие прохудившейся кровли. Ее хрупкая кисть руки фарфором смотрится на фоне черных рукавов, Мелани, забывшись, играет со своими локонами. Скрип половицы под ногой выдает мое присутствие. Она с легким вскриком оборачивается на звук, но не видит, так как я прячусь за грудой старой мебели, накрытой белой тканью.

Я иду в обход, чтобы зайти из-за спины, некоторые половицы все-таки скрипят, как бы бесшумно я не передвигался.

– Кто здесь? – Она напугана. Девушка озирается по сторонам в поисках источника шума. И, несмотря на уродливые синяки, снова отмечаю, какая она красивая. – Кевин, это ты?

Имя младшего Ганна ревностью режет: почему она вспомнила его? Может, они целовались здесь? И как часто бывают вместе? Отличное, кстати, местечко – тут тяжело быть застигнутыми врасплох, так как редко кто заходит.

Пока я мучаюсь ревностью, наблюдая за ней из-за засады, девушка решает уйти. Но она не понимает: уйти я ей не дам.

Мелани разворачивается и бодро идет вперед, я выхожу из укрытия и догоняю ее. Она оборачивается. Не знаю, что такого в моем облике, но Мелани испуганно охает и пускается бежать. Мы проносимся через главный коридор, и тут она сворачивает влево, зная лишь длинный путь, а я выбираю короткий, срезая достаточно пути, и вот уже на лестнице поджидаю беглянку.

Она врезается в мою грудь с вскриком, с глухим ударом, не ожидая встретить меня тут. Я хватаю ее руки, не давая шанса отбиться. По моим венам несется разгоряченная кровь, ток от прикосновения к ней будоражит все нервные окончания. Она испуганно бьется в руках, как пойманная птица, еще больше распаяя меня. Такая хрупкая, нежная, красивая.

Я не владею собой, когда прижимаю к себе, как тогда, в лифте, только на этот раз впиваюсь в ее губы поцелуем, чувствуя огонь, вкус и аромат тела Мелани. Мне кажется, я слышу, как грохочет ее сердце от внезапности случившегося. Она замерла в моих руках, позволяя сильнее прильнуть к губам и насладиться их нежностью. И лишь мгновение спустя Мелани отвечает на поцелуй.

Сладко. Магически. Волшебно. С толикой боли от разбитой губы.

Ее руки ложатся на мою талию, сжимаются в кулаки, натягивая ткань рубашки, тем временем как мои зарываются в ее шелковые волосы. Страсть сменяется томным наслаждением. У Мелани пряный сладкий вкус и цветочный запах.

Я прекращаю поцелуй лишь тогда, когда боль в ее губе возрастает, передаваясь мне, а к ее вкусу примешивается солоноватый вкус крови. Она удивленно смотрит мне в глаза и тяжело дышит.

Я сам тяжело дышу от нахлынувших чувств и адреналина. Любуюсь ей, глядя тыльной стороной руки по нежной щеке со стороны, где нет синяка, после чего кончиком пальца, будто лаская, стираю выступившую каплю крови на разбитой губе. О, черт! Я, кажется, не на шутку влюбился.

– Рэй? – Обескураженная не меньше меня, она широко распахивает серо-голубые глаза, и кажется, я вижу в них свое отражение. – Что...?

Она не договаривает, но я знаю, что за вопрос остался произнесенным: «Что ты, мать твою, делаешь?». Ну, может, конечно, не так. Но суть та же.

Я отхожу от нее, хватаясь за голову и лохматя волосы, пытаюсь прийти в норму. И ничего умнее не нахожу, как ответить:

– Крыша течь дала...

И ухожу, оставляя ее в смятении. Хотя сам напуган не меньше. Теперь мне нужен Ной, чтобы вправить мозги: пора вспомнить прошлое, пора вспомнить, кто такие Химеры и первую нашу встречу с Мел...

***

С каких это пор поцелуи стали переворачивать мою жизнь? С каких пор летоисчисление запустилось по-новому? Рэй словно зажег внутри меня неведомый огонь, а своим поступком лишь сильнее распалил его, и я теперь горела. Мои мысли только и крутились вокруг него и того поцелуя. В жизни ничего подобного не испытывала, уверена на все сто процентов, даже если включить мою память.

Ощущение лавы, нежности, страсти. Я теперь знаю вкус Рэйнольда Оденкирка: он терпкий, сладкий, как вино, и жгучий, как перец. Я готова вечно стогать в его объятиях! Готова вечно пить эту адскую смесь. Только так повредиться умом – проще простого. Одни лишь воспоминания о поцелуе сводят с ума, заставляя сердце выпрыгивать из грудной клетки, – что же будет, если такие поцелуи будут доступны постоянно?

И мне не нужно чувствовать то электричество, когда он касался меня, ему теперь достаточно появиться в одной комнате со мной, чтобы заставить остро ощущать реальность, чтобы каждой волосинкой своего тела ощущать его присутствие. Я становлюсь невнимательной, дерганой, будто на иголках. И стараюсь скорее уйти из комнаты. Поэтому каждодневные завтраки-обеда-ужины превращаются в пытку.

Ева ходит хмурая и замкнутая. Она переживает, я знаю. Все из-за стычки. Уж не знаю, кто ей сказал, сам ли Стефан, либо она додумалась, но Ева знает, что он меня ударил. И поэтому у них новый разлад в отношениях. Самого виновника моей разбитой губы отсылают куда-то чуть ли не на следующий день после того жгучего поцелуя Рэя. Все молчат о его местонахождении, а я боюсь спрашивать. Хотя по-прежнему твержу всем, что ударилась о полки.

Все становится проще, когда мисс Реджина оглашает свое наказание: две недели на кухне с миссис Лонг в качестве помощницы. Это становится моим спасением.

Там на кухне я пропадаю с утра до ночи, загруженная работой и нежеланием попадаться на глаза Рэю.

Кевин забегает ко мне, но у меня нет желания с ним долго общаться, я жажду другого человека и боюсь его одновременно. Я даже снова поцеловалась с Ганном, когда он забежал перед сном в мою комнату, но этот тягучий мед не вызывает желания сгореть и рассыпаться пеплом в его руках.

Поэтому стараюсь свести наше общение к минимуму. Я вообще прекращаю общаться с кем бы то ни было, кроме миссис Лонг. Наказание мисс Реджины мне в помощь.

Миссис Лонг чопорная чистоплотная женщина, достаточно требовательная и крепкая на словцо. Она чем-то напоминает мне Салем. Наверное, потому что ее надо слушаться и слушать.

Миссис Лонг учит меня резать овощи, чистить картошку, дает первые уроки кулинарии. Я еще наказана мытьем посуды за всеми вместо посудомоечной машины. Не жалуясь. Но о маникюре приходится забыть, даже с перчатками на руках.

Именно от миссис Лонг я впервые слышу это слово – Химеры.

– А вы давно здесь работаете?

– С шестнадцати лет. Мои родители здесь жили. Ну куда? Режь тоньше, смотри, какие ломти рубишь!

Она срывается на меня, шлепнув по руке. И я начинаю стараться резать тоньше. Вокруг нас кипят кастрюли и скворчат сковородки. Здесь жарко, душно в такие моменты. Поэтому я стала надевать на кухню очень открытое и легкое: майки с бретельками и юбки до колен.

– А почему Саббат называют Шабашем?

– Дык, ведьмы тут обитали.

– Мисс Реджина говорила что-то, что было это давно.

– Очень давно! Так, а теперь кидай это в воду и режь теперь лук. Посолить не забудь, как я учила!

– Я не понимаю, почему столько времени прошло, а люди до сих пор замок Шабашем называют?

– Ну знаешь, как это бывает, когда что-нибудь плохое случается с человеком, так потом и привязывается прозвище. Вот и с замком так было. Они же, ведьмы, Химерами были.

– Кем?

– Химеры. Считай злые ведьмы. Травлю устраивали на народ. Им же всё нипочем было тогда. Говорят, кровь с черной магией лилась рекой. Вот шабаши и устраивали тут, пока Инквизиция не пришла и не сожгла их всех к чёртовой матери. С тех пор замок и зовут Шабашем. А теперь возьми сливки и добавь туда столовую ложку.

– Так?

– Да.

Я выполняю каждое указание, смотря, как вода с добавлением в неё ингредиентов превращается в съедобный соус к мясу.

– Химеры... Слово-то какое. Не колдуньи, а химеры...

– Колдуньи –это колдуньи, а химеры –это химеры. Не путай и не забивай себе ерундой голову. Так! Сходи-ка в кладовую, в ту, что возле лестницы, и принеси мне грецких орехов.

– Так есть же еще!

– Я сказала, сходи, значит – сходи.

Я откладываю нож, чувствуя себя разгоряченной от пара, мне жарко, я потная и мечтаю о душе. Спрыгнув со стула, я с неохотой иду в кладовую.

– Ступай, ступай. И побыстрее! Двигай ногами!

Едва успев выйти из кухни, я налетаю на Рэя. Парень спускался с лестницы для прислуги, что рядом с кухней. И, как тогда, на чердаке, я чувствую легкую панику и головокружение от его присутствия. Он окидывает меня взглядом с головы до ног, после чего закусывает губу и со стоном отворачивается, будто у него болит зуб. После чего кидает злобный взгляд своего цвета грозы и произносит сквозь зубы:

– А еще скромнее кофты не нашлось?

Он кивает на мой вырез и, не дождавшись ответа, срывается в кухню.

Что? Это что сейчас было? Меня обвинили в неподобающем виде? Нормальная ведь кофта! Или мне стоит свариться заживо там?

Обозвав его дураком, обиженная, убегаю в кладовую за орехами. По возвращении вижу уходящего Рэйнольда, который стремительно покидает кухню, не обращая внимания на меня. Будто не меня он целовал на чердаке. Действительно, у него, кажется, крыша подтекает... Или у меня?

Войдя на кухню и отдав орехи миссис Лонг, я узнаю главную новость: завтра приезжают какие-то важные гости. Они будут у нас до ночи. А это значит, завтра весь день торчать ей и мне у плиты.

Да наступит день

Лист бумаги лежал на столе, где черными буквами, шрифтом Times New Roman был написан запрос от Сената на аутодафе.

«Реджине Хелмак и Артуру Хелмак,

Светочам школы Инквизиторов Саббат.

Совет Старейшин святого Сената просит исполнить долг Инквизиции в школе Саббат и покарать ведьму за бесчинства и ряд нарушений anni currentis⁴. Вина обвиняемой доказана.

Обвиняемая – Мария Смитт. Химера.

Наказывается:

– за попытку украсть заклинание у Архивариусов Сената,

– убийство трех смертных,

– применение дара (разряд: телекинез) на людях,

– применение запрещенных заклинаний,

– сделки с дьяволом и продажа души.

Сенат приговаривает ее к сожжению на костре.

Да свершится суд.

Да наступит день.

Dies irae, dies illa⁵.

Совет Старейшин святого Сената».

– Dies irae, dies illa! Господи, как пафосно. Меня всегда воротило от этого выражения! Глупое и бессмысленное.

Я сажусь в кресло и закуриваю. Артур бесшумно смеется надо мной.

– Я всегда думаю, кем бы ты стала, выбери в самом начале путь Химеры?

– Не знаю, наверное, Марией Смитт.

---

⁴ anni currentis – (лат.) текущего года

⁵ Dies irae, dies illa – (лат.) Тот день, день гнева. Начало средневекового церковного гимна – вторая часть заупокойной мессы, реквиема. В основе гимна лежит библейское пророчество о судном дне, "Пророчество Софонии", 1, 15.

Я двумя пальцами откидываю белоснежный лист, который совершает путь по столу и падает на пол.

– Мне кажется, Химеры многое потеряли в твоём лице. Так или иначе, в тебе от них слишком много.

Артур улыбается мне, затем аристократично пьёт свой кофе из миниатюрной позолоченной чашечки. Его слова не оскорбляют меня, наоборот, даже льстят.

– Так или иначе, я здесь. С тобой. Даже душа целая и ни разу не заложенная.

– Если говорить по поводу, что бесит каждого, так вот, мне всегда «нравится», что в обвинении указывается продажа души. По мне, так это личное дело каждого.

– Согласна. Практически все Химеры обращаются к нечистой и закладывают души. Если считать это обвинением, то мы их всех должны сразу же истребить.

Я стряхиваю сигарету в свою любимую пепельницу Сваровски, наблюдая, как на зеркальной поверхности серыми комками пыли оседает пепел. Пепел. Слишком много в моей жизни пепла.

– Ты с чего такая нервная? – Артур разворачивает газету и принимается читать биржевые сводки. – Ты никогда так не реагировала на запросы Сената.

– Не нравится мне это всё. Химеры и вправду активировались. И дело не в том, что их больше. Они просто нагло бесчинствуют. Будто живут на всю катушку. Костры Инквизиции слишком часто стали гореть.

– Так, наоборот, хорошо. Чем больше их горит, тем лучше нам.

– Угу. Пока не будет нарушен закон равновесия. Тогда и мы пойдём гореть, или, в худшем случае, будем обращены.

– Успокойся, Реджина. Вызови себе массажистку, в конце концов.

– Не могу, Артур. – Я взвилась, не в силах больше сидеть, и начала мерить комнату шагами. Единственное действие, которое я смогла придумать в данную секунду беспомощности. – Они же все ближе и ближе подбираются к нам! Неужели не видишь? Ты знаешь, за что на самом деле судят эту Марию Смит?

– Думаю, не убийство смертных.

– Именно. Эта дура попыталась выкрасть заклинание поиска у Архивариусов. Вот скажи мне, – Я подошла к нему, наклонившись, чтобы наши глаза были на одном уровне, – Зачем какой-то Химере заклинание поисковика?

Я слышала, как Артур начал расчленять вопрос и выуживать логические цепочки.

«Зачем?.. Хм... Заклинание поиска – сильное заклинание неопределившихся инициированных...»

– Так, – подначиваю я, слыша правильный ход мысли.

«Заклинание древнее... Замешано на крови... Хм... Почему тогда они не использовали ведьмин огонь?»

– Ну-ну, давай! Всё правильно.

«Если не использовали ведьмин огонь, значит, он не в состоянии отыскать нужную ведьму. Значит, либо они не знают ведьму в лицо, либо она еще не инициирована...»

– Так, – довольно тяну я. – А теперь скажи, кого ты знаешь не инициированного?

– Мелани?

– Бинго! – шепчу я. После чего поднимаюсь и снова начинаю мерить комнату шагами. – Она ведьма. Но амнезия спутала все карты. Она снова вернулась в начало. Ей опять надо определяться. Ее сейчас не берет ни одно заклинание ведьминог огня или сестринского зова. Химеры знают что-то о ней, знают о ее даре и ее сестры. Но что? Артур, я всю голову сломала! Никто не знает, что это. Но Химеры берегли их, как зеницу ока, делая огромные ставки на них.

– Ну, не очень-то берегли, раз она у нас.

– То была случайность, сам знаешь. Никто не был в курсе этого шабаша. Рэй и Стефан там случайно оказались...

– А с чего ты решила, что Мария Смитт крада заклинание для поиска Мелани? Может, она хотела кого-то другого.

– Кого? Найти себе неинициированного ученика? Глупость. Этим уже никто не занимается. Да и Химеры в последние годы берут себе людей больше, чем Инквизиторы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.